

Круглый стол
«Развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири. Куда ведет нас Кремль?»
11.10.2012

11 октября в офисе «ЯБЛОКА» прошел круглый стол на тему: «Развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири. Куда ведет нас Кремль?». Обсудить перспективы экономических, политических и культурных отношений Российской Федерации и Китая собрались представители руководства партии, эксперты и журналисты. В повестке дня была дискуссия о программе сотрудничества между Россией и Китаем в 2009-2018 гг., актуальности превращения Дальнего Востока в сырьевой придаток Китая, создании Министерства РФ по Дальнему Востоку и законопроекте «О развитии Сибири и Дальнего Востока». В основе обсуждения был проект заявления партии, еще на съезде предложенный рядом региональных организаций. Вел заседание координатор Политического комитета партии Борис Мисник.
<http://www.yabloko.ru/regnews/Moscow/2012/10/18>

Расшифровка выступлений:

Мисник Борис Григорьевич,

Координатор Политического комитета РОДП «ЯБЛОКО»:

Предыстория этого круглого стола такова: на Съезде 17 июня делегатам был представлен документ о проблемах и политике Кремля по отношению к Дальнему Востоку. Этот проект заявления был поддержан «зеленой» фракцией партии «ЯБЛОКО», однако делегаты Съезда сошлись, что эта тема требует более глубокой проработки и поручили Политическому комитету как-то этот документ видоизменить. И мы решили провести очную встречу с участием экспертов по этой проблеме с тем, чтобы найти общие подходы к этой весьма сложной теме. Все, кто здесь присутствуют, в той или иной степени знакомы с проблемами Дальнего Востока, Приморья и дальней Сибири, занимались в той или иной степени в практической политической, экономической, социальной плоскостях, поэтому я думаю, что разговор может быть профессиональным. Я думаю, что тему можно прочертить именно как проблема развития Дальнего Востока и политика Кремля, в том числе вопрос о создании Министерства Дальнего Востока. В первую очередь мы будем обсуждать наш русский Дальний Восток, но также затронем политику соседних государств – Китая, Японии и Кореи. Начнет Владимир Яковлевич Портяков, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Яблоков Алексей Владимирович,

Член Политического комитета РОДП «ЯБЛОКО», член-корреспондент Российской академии наук, доктор биологических наук:

Как уже сообщил Б.Г. Мисник, по инициативе Амурского отделения партии, поддрежанной Приморским и Сахалинскими отделениями и фракцией «Зеленая Россия» партии «ЯБЛОКО» на XVII Съезд партии была внесен проект резолюции по политике РФ на ДВ. По просьбе С.С.

Митрохина Съезд принял решение поручить Политкомитету откорректировать такое заявление.

Я давно связан с Дальним Востоком – в 60-е годы работал в Магаданской и Сахалинской (на Курилах) областях и на Чукотке как биолог, а в 2007 году проехал по всему ДВ как кандидат в Госдуму от «ЯБЛОКА» по всему ДВ округу. За участие в решении экологических проблем Якутии имею Звание «Почетный эколог Якутии». В последние годы бывал на Сахалине и в Корею по проблемам сахалинского серого кита.

Надеюсь, в докладах и сообщениях на этом круглом столе эксперты-профессионалы познакомят нас с аналитическим материалом, я же для начала и размышления приведу несколько последних фактов.

- Ядерный арсенал Китая возрос за последние годы в несколько раз. Вот что пишет известный эксперт по ядерным вооружениям В. Дворкин: «Ядерная программа, состояние ядерных сил Китая в максимальной степени закрытые. Несопоставимые по уровню закрытости с ядерными программами других стран. Китай скрывает значительную часть своих ядерных вооружений".... "У Китая в 2-3 раза больше ядерных боезарядов, чем сейчас признано экспертным сообществом ". К концу прошлого года Китай наработал оружейного урана и плутония достаточных для создания до 1800 ядерных боеприпасов. Китай является единственной страной в мире, помимо России и США, которая имеет потенциал быстрого наращивания ядерной мощи в относительно короткие сроки. И этот потенциал реализуется.

- О глобальных амбициях Пекина свидетельствуют экспедиции китайских ВМС в мировой океан, а также поиск военных опорных пунктов в отдаленных районах, в частности в Индийском океане.

- Китай провел уже пять экспедиций в Арктике, в том числе вдоль побережья России. В мае 2011 года New York Times писала «У Китая скоро будут более крупные и современные ледоколы, чем у США и Канады». Как считают военные эксперты если Китай разместит в Арктике атомную подводную лодку, то он сможет эффективно стратегически сдерживать и Россию и США. Мало кому известно, что с 2004 г. существует крупная научно-

исследовательская база Китая на Шпицбергене. Недавно Китай добился статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете.

- По данным ИНТЕРПОЛА - половина поступающей в Китай древесины из России – нелегальная.

Все эти и многие подобные факты как мне кажется недостаточно учитываются при формировании российской политики на Дальнем Востоке.

Калинина Наталья Владимировна,

Председатель Амурского отделения РОДП «ЯБЛОКО»:

Прочему мы заявляем о проблеме т.н. "китайской экспансии" на Дальнем Востоке России в условиях, когда национальные экономики стремительно глобализируются?

Потому, что: "Экспансия" отличается от "интеграции", это взаимоисключающие процессы. Экономическая интеграция — это процесс развития устойчивых взаимосвязей соседних государств до уровня единого экономического пространства в условиях равенства всех участников.

Политико-экономическая экспансия – это занятие доминирующего положения отдельного государства и его народа за счет ущемления прав населения и на территории другого государства.

Все китайские промышленные предприятия на территории России действуют с грубейшими нарушениями экологических норм.

Все предприятия с китайским капиталом или китайскими учредителями осуществляющие деятельность на территории России проводят политику дискриминации относительно трудоустройства граждан РФ (при этом граждане России достаточно легко могут трудоустроиться в самом Китае на китайских предприятиях!). Эту ситуацию хорошо характеризует случай произошедший в 2008 году в Селемджинском районе Амурской области и получивший огласку в СМИ. Тогда на одном из амурских предприятий сменился собственник, а новый хозяин (гражданин Китая) заменил российский трудовой коллектив на граждан Китая.

«Китайские компании не стремятся брать на работу иностранцев, в том числе и русских, однако нашей стране необходимо, чтобы российские сотрудники лесной отрасли координировали деятельность китайских компаний по освоению лесных ресурсов» (<http://ukrmanage.com/sotr/192-forest>).

Необходимо также отметить, что китайские предприятия действуют в ДВ ФО РФ не во вновь создаваемых сегментах экономики, а способствуют вытеснению и дальнейшему банкротству российских предприятий в уже сложившихся экономических нишах, чтобы затем занять монопольное положение и увеличить цены на свои услуги и продукцию. Как следствие

увеличивается количество безработных среди граждан России, происходит отток населения в западные (более благоприятные по качеству жизни) регионы страны. Так, например китайские предприятия на 100 % контролируют производство и рынок керамического кирпича (основной строительный материал). Российские предприятия были искусственно обанкрочены в 90-е. После захвата этого сегмента, китайские предприятия перешли к борьбе за строительный рынок жилья, который уже более чем на 50% под ними. Как итог: стоимость жилья на первичном и вторичном рынке в дальневосточных приграничных городах в последние годы стремительно растет и уже сравнима с Москвой и СПб.

В сфере автобусного, грузового и специального транспорта китайские производители вытеснили своих конкурентов (в т.ч. и российских). Даже автогигант «Камаз» больше не выигрывает дальневосточные муниципальные и региональные тендеры. При этом обслуживание китайской техники обходится гораздо дороже ввиду низкого качества комплектующих.

В сфере лесозаготовок китайские предприятия в ряде регионов Дальнего Востока и Забайкалья уже на сегодняшний день являются абсолютными монополистами.

Постепенно идет захват производства и рынка овощей и бахчевых.

Вытесняется местный производитель через ограничение выхода в сферу розничной торговли и высокие проценты по кредитам в российских банках (сравнительно с условиями кредитования китайских с/х производителей работающих в России, но кредитующийся в китайских банках). Интересно, что местные производители предлагают с/х продукты по более низким ценам, чем китайские, но их доступ к торговым площадям с каждым годом все более ограничивается (российские контролирующие органы работают избирательно).

Необходимо отметить, что китайские предприятия действующие на российской территории не следуют нормам законодательства РФ, а являются как бы своеобразными китайскими колониями, где действуют законы Китайской народной республики. Принципиально важно, что на всех производственных территориях китайцы стараются поднять свой государственный флаг и разместить информационные знаки на китайском языке. По международным нормам подъем государственного флага является претензией на права за данной территорией.

Портяков Владимир Яковлевич,
Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель
Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений:

Российско-китайская торговля: результаты, проблемы, перспективы

История современной российско-китайской торговли насчитывает уже два десятилетия. В этот период двусторонняя торговля между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой являлась в первую очередь важной составной частью общего комплекса межгосударственных отношений, с 1996 г. обретших характер стратегического партнерства и взаимодействия. В то же время, ее ведущие особенности на практике оказались производными, прежде всего, от экономических факторов – стратегии и темпов развития народного хозяйства, изменений в структуре экономики, масштабах и сферах участия двух государств в мирохозяйственных обменах.

Для экономического развития КНР оказалась характерна весьма высокая динамика: ВВП страны вырос в 2,7 раза в 1990-е годы и снова в 2,7 раза в 2000-е годы. За 20 лет (1991–2010 гг.) ВВП вырос в 7,3 раза при среднегодовом приросте порядка 10,4%. КНР в 2010 г. опередила Японию и вышла на 2-е место в мире вслед за США по объему валового внутреннего продукта, пересчитанному из национальной валюты в доллары по официальному курсу.

При этом КНР превратилась в мировую фабрику гигантских размеров, нарастив за первое десятилетие XXI века выплавку стали в 4,8 раза – до 626,9 млн. т, выпуск легковых автомобилей – в 15,8 раза – до примерно 9,5 млн. штук, производство персональных компьютеров – в 36,5 раз – до 245,8 млн. штук (см. Таблицу 1).

**Некоторые результаты экономического развития Китая и России
в первом десятилетии XXI века**

Наименование	Ед. изм.	2000			2005			2010		
		Китай	Россия	Соотноше- ние	Китай	Россия	Соотноше- ние	Китай	Россия	Соотноше- ние
ВВП	индекс	100	100		159,26	125,16		270,59	148,05	
ВВП по ППС	млрд.долл.	3011	1120	2,68	5364	1697	3,16	10084	2219	4,54
ВВП по ППС на душу населения	долл.	2376	7737	0,31	4102	11823	0,35	7517	15806	0,475
Внешняя торговля	млрд.долл.	474,3	149,9	3,16	1421,9	369,2	3,85	2972,7	625,4	4,75
Экспорт	млрд.долл.	249,2	105,0	2,37	761,95	243,8	3,12	1557,9	396,4	3,97
Импорт	млрд.долл.	225,1	44,9	5,01	659,95	125,4	5,26	1394,8	229,0	6,09
Зерно	млн. т	405,2	65,4	6,19	427,7	77,8	5,49	481,5	97,1	4,95
Мясо скота и птицы	млн. т	60,1	4,446	13,51	69,4	4,99	13,9	76,5	6,72	11,38
Нефть	млн. т	163,0	324,0	0,50	181,3	470,0	0,38	203,0	505,0	0,40
Электроэнергия	млрд. кВт/час	1355,6	877,8	1,54	2500,3	953,1	2,62	4206,5	1037,0	4,05
Сталь	млн. т	128,5	59,2	2,17	353,2	66,3	5,32	626,9	66,3	9,45
Легковые автомобили	млн. шт.	0,607	0,969	0,62	2,77	1,069	2,59	9,576	1,209	7,92
Персональные компьютеры	млн. шт.	6,72	0,07	96	80,85	0,356	227	182,15	0,255	714,0

Примечания: 1. Таблица составлена по данным статистики РФ, КНР и Международного валютного фонда.

2. В колонке «2010» данные по зерну, мясу, компьютерам – за 2009 г

Высокими темпами рос и внешнеторговый товарооборот КНР. За первое десятилетие XXI века объем внешней торговли Китая товарами вырос в 6,26 раза.

По данным Всемирной торговой организации, в 2011 г. КНР третий год подряд заняла первое место по объему экспорта товаров – 1899 млрд. долл. и 10,4% общего объема мирового экспорта, оставив на второй позиции США с 1481 млрд. долл. и 8,1% соответственно. По импорту товаров КНР находится на 2-м месте в мире, уступая лишь США по объему и доле в мировом импорте – соответственно, 1743 млрд. долл. и 9,5% у Китая и 2265 млрд. долл. и 12,3% у США (см. Таблицу 2).

Радикальные изменения в структуре экономики страны в целом и крупные подвижки в ее специализации в международном разделении труда привели к серьезным сдвигам в товарной структуре внешней торговли Китая.

Расчеты по данным официальной китайской статистики показывают, что если в 1990 г. доля машин и оборудования в экспорте КНР составляла 9%, то в предкризисном 2008 г. она выросла до 47,1%, а в 2011 г. до 47,5%. В то же время, растущая «ресурсная жажда» Китая предопределила увеличение доли минерального сырья и топлива в его импорте за этот же период с 2,4% до 15% (2008 г.) и 15,7% (2011 г.), и прочего непродовольственного сырья – с 7,7 до 14,7% (2008 г.) и 16,3% (2011 г.). Вполне естественно, что закрепление КНР на позициях «мировой фабрики» обусловило стабильное сохранение высокой доли машин и оборудования в импорте страны – 31,6% в 1990 г., 39% в 2008 г. и 36% в 2011 г. В десятку ведущих статей китайского экспорта входят такие позиции, как контрольно-измерительная аппаратура и датчики к ней, средства связи (в первую очередь мобильные телефоны), суда, интегральные схемы. Одновременно сохраняются на ведущих местах и такие традиционные для Китая статьи экспорта, как одежда, текстиль, обувь. В китайском импорте (по стоимости) первые позиции занимают интегральные

схемы, нефть и железная руда, за которыми следуют жидкокристаллические мониторы, пластмассы, оборудование для контрольно-измерительной аппаратуры, медный и стальной прокат и соевые бобы.

При всей схематичности вышеприведенный перечень дает вполне конкретное представление о приоритетах Китая в мировом товарообмене, которые во многом определяют и ведущий круг его торговых партнеров. В 2011 г. ведущими торговыми партнерами КНР явились США (447 млрд. долл.), Япония (343), Гонконг (283), Республика Корея (245), Германия (169), Тайвань (160), Австралия (116), Малайзия (90), Бразилия (84). Россия с 79,25 млрд. долл. опередила Индию, Голландию и Сингапур и заняла 10-е место; годом ранее она находилась на 13-м.

Представляется, что такое положение, когда Россия находится не на первых ролях среди торговых партнеров Китая, отражает ее реальные позиции в мировой торговле. По данным ВТО, по итогам 2010 г. Российская Федерация заняла 12-е место в мире по объему экспорта товаров и 18-е место – по объему импорта. В 2011 г. она передвинулась на 9-е место в мире по экспорту (522 млрд. долл. и 2,9% мирового экспорта) и на 17-е – по импорту товаров (323 млрд. долл. и 1,8% мирового импорта) (см. Таблицу 2).

Таблица 2.

Мировая торговля товарами

в 2010–2011 гг.

Наименование	2010										
	Экспорт				Импорт						
	объем	прирост	доля	место	объем	прирост	доля	место	объем	прирост	доля
млрд долл.	%	%		млрд долл.	%	%		млрд долл.	%	%	
Мир в целом	1485,5	22	100		1505,0	21	100		1821,5	20	100
США	1278	21	8,4	2	1968	23	12,8	1	1481	16	8,1
Китай	1578	31	10,4	1	1395	39	9,1	2	1899	20	10,4
Германия	1269	13	8,3	3	1067	15	6,9	3	1474	17	8,1

<u>Япония</u>	<u>770</u>	<u>33</u>	<u>5,1</u>	<u>4</u>	<u>693</u>	<u>25</u>	<u>4,5</u>	<u>4</u>	<u>823</u>	<u>7</u>	<u>4,5</u>
<u>Россия</u>	<u>400</u>	<u>32</u>	<u>2,6</u>	<u>12</u>	<u>248</u>	<u>30</u>	<u>1,6</u>	<u>18</u>	<u>522</u>	<u>30</u>	<u>2,9</u>
<u>Индия</u>	<u>216</u>	<u>31</u>	<u>1,4</u>	<u>20</u>	<u>323</u>	<u>25</u>	<u>2,1</u>	<u>13</u>	<u>297</u>	<u>35</u>	<u>1,6</u>
<u>Бразилия</u>	<u>202</u>	<u>32</u>	<u>1,3</u>	<u>22</u>	<u>191</u>	<u>43</u>	<u>1,2</u>	<u>20</u>	<u>256</u>	<u>27</u>	<u>1,4</u>

Источник: составлено по данным WTO 2011 Press Release. – http://www.wto.org/english/news_e/press11_e/pr628_e.htm :

WTO 2012 Press Release. – http://www.wto.org/english/news_e/press12_e/pr658_e.htm. Данные о приросте – в текущих ценах.

Как общие позиции России в мировой торговле, так и ее довольно скромное место во внешней торговле Китая являются производными от невысокой динамики экономического роста страны и изменений в структуре ее народного хозяйства, главные из которых – очевидное ослабление перерабатывающей промышленности и усиление значения и веса топливно-энергетического комплекса.

Спад производства ВВП в России начался еще в 1991 г. и продолжился в постсоветский период. Минимум был достигнут в дефолтном 1998 г., когда объем ВВП составил 57,5% от уровня 1990 г. С 1999 г. Россия вышла на траекторию устойчивого роста – по 2008 г. включительно. Объем ВВП в 2008 г. вырос практически вдвое по сравнению с 1998 г. Однако в результате воздействия мирового экономического кризиса ВВП России в 2009 г. сократился на 7,9%. В итоге в 2010 г. ВВП страны вырос с сопоставимых ценах на 48% по сравнению с 2000 г. и лишь на 7,2% по сравнению с 1990 г.

Многие эксперты, однако, считают эти итоговые показатели формальными – они порождены несовершенством методики расчета ВВП. Заметно более благоприятные для России оценки дает Международный валютный фонд.

Так, по расчетам МВФ, в текущих ценах ВВП России увеличился с 260 млрд. долл. в 2000 г. до 763,7 млрд. в 2005 г. и до 1477 млрд. долл. в 2010 г. По паритету покупательной способности ВВП России с 1120 млрд. долл. в 2000 г. возрос до 2218,7 млрд. долл. в 2010 г., т.е. почти вдвое. ВВП страны на душу населения увеличился с 1793,5 до 10521,8 долл. в текущих ценах и с 7737 до 15806 долл. по паритету покупательной способности.

В то же время, даже более благоприятные по сравнению с данными Росстата оценки МВФ не отменяют того факта, что после 1991 г. Россия потеряла значительную часть традиционного промышленного производства,

прежде всего перерабатывающие отрасли, и не смогла создать собственную телекоммуникационную и информационную индустрии, наладить конкурентоспособное производство бытовой электроники. Такая ситуация была обусловлена множеством факторов, но главным из них стала потеря рынка сбыта, без которого производство любой продукции утрачивает экономический смысл. Россия в результате политических перемен, разрыва кооперационных связей, свертывания инвестиций потеряла рынки бывших стран СЭВ, многих развивающихся стран, бывших союзных республик и, главное, значительную часть собственного внутреннего рынка, который отчасти сжался, отчасти стал заполняться импортными товарами. Не случайно именно отрасли, сохранившие рынок сбыта в стране и/или за рубежом, сумели сохранить и даже увеличить свой производственный потенциал. Это ТЭК, черная и отчасти цветная металлургия, химия, лесозаготовка, производство некоторых видов военной техники и оборудования для АЭС.

Более высокая динамика роста ВВП и особенно многих видов продукции в физическом выражении привела к увеличению в пользу Китая соотношения между ним и Россией по большинству экономических параметров (см. Таблицу 1).

Так, по оценке МВФ, ВВП КНР по паритету покупательной способности превышал объем ВВП России в 2,68 раза в 2000 г., в 3,16 раза в 2005 г. и в 4,54 раза в 2010 г. Соотношение объемов внешней торговли товарами двух стран составило, соответственно, 3,16, 3,85 и 4,75. Огромный разрыв по персональным компьютерам: в 2009 г. их производство в Китае превысило 182 млн. штук, тогда как в России оно составило лишь 255 тысяч. Если в 2000 г. по выпуску легковых автомобилей Россия опережала Китай более чем в полтора раза, то в 2009 г. здесь образовался двенадцатикратный разрыв в пользу КНР.

В то же время, на ряде направлений, где в России предпринимались последовательные усилия по выправлению ситуации, разрыв удалось снизить. Это, например, сбор зерновых и производство мяса. Россия сохраняет свое преимущество перед Китаем в добыче нефти и газа и по среднедушевому производству ВВП, хотя в последнем случае отставание Китая от РФ сокращается. В 2000 г. соотношение среднедушевого производства ВВП Китая и России по паритету покупательной способности валют составляло 0,31, а в 2011 г., по оценке МВФ, выросло до 0,5 (16736 долл. в России и 8382 долл в КНР).

На наш взгляд, различия в динамике экономического роста и сдвигах в структуре народного хозяйства двух стран оказали определяющее воздействие на динамику и структуру российско-китайской торговли.

В 1990-е годы экономическая взаимодополняемость РФ и КНР проявлялась главным образом в форме спроса со стороны России на широкую гамму изделий китайской легкой промышленности (текстиль, обувь, другие товары народного потребления) и бытовую электронику, а со стороны Китая – на российскую военную технику, химудобрения, металлы и лес. Отличительной особенностью двусторонней торговли в 1990-е годы стали широкое использование бартерных, т.е. товарообменных сделок (отчасти объяснявшееся обоюдной нехваткой твердой валюты) и вовлечение в процесс товарообмена огромного количества мелких торговцев (так называемых «челноков»).

В 2000-е годы на первый план выходит растущая потребность Китая в нефти и нефтепродуктах. Они становятся ведущей позицией российского экспорта в Китай, составляя с 2006 г. более половины всего вывоза. Сохраняется и достаточно высокий спрос КНР на российские металлы, лес, некоторые виды химической продукции. Одновременно доля машин и оборудования в китайском импорте из России упала с 20% в 2000 г. до 1% и менее (см. Таблицу 3).

Структура импорта КНР из РФ

	2004		2005		2006		2007		2008		2009		2010		2011	
	млн. долл.	%	млн.д олл.	%	млн. долл	%	млн. долл	%	млн. долл.	%	млн. долл	%	млн. долл.	%	млн.д олл..	%
Всего	121 29,5	10 0	1589 0,9	100	1755 4,1	10 0	1967 6,9	10 0	2382 5,1	10 0	2128 2,9	100	2583 6,3	100	4034 5,5	100
Продо воль- ственн ые товар ы и сельск охо- зяйств	850, 5	7,0	1145, 6	7,2	1283 ,9	7,3	1433 ,7	7, 3	1319, 2	5, 5	1284 ,3	6,0	1379, 2	5,3	1688, 4	4,2

енное
сырье

Минер аль- ная	447 4,9	36, 9	7131, 5	44, 9	9869 ,0	56, 2	1025 9,4	52 ,1	1336 3,7	56 ,1	1049 7,3	49, 4	1409 9,3	54,5 8	2644 7,5	65,6
----------------------	------------	----------	------------	----------	------------	----------	-------------	----------	-------------	----------	-------------	----------	-------------	-----------	-------------	------

проду кция	418 8,5	34, 5	6555, 2	41, 25	9464 ,2	53, 9	9341 ,4	47 ,5	1193 7,9	50 ,1	9386 ,2	44, 1	1277 6,3	49,4 5	2290 0,4	56,7 5
---------------	------------	----------	------------	-----------	------------	----------	------------	----------	-------------	----------	------------	----------	-------------	-----------	-------------	-----------

В т.ч.
топлив
но—
энерге
тическ
ие
товар
ы

Проду кция химич еской промы шленн ости, каучук	209 0,8	17, 2	2428, 4	15, 3	2188 ,8	12, 5	2552 ,2	13 ,0	3092, 7	13 ,0	2147 ,3	10, 1	3382, 4	13,1	3733, 0	9,24
--	------------	----------	------------	----------	------------	----------	------------	----------	------------	----------	------------	----------	------------	------	------------	------

Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	13,9	0,1	16,5	0,1	12,6	0,1	14,4	0,07	17,3	0,07	8,7	0,05	13,4	0,05	14,8	0,04
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1978,5	16,3	2371,1	14,9	2800,0	16,0	3759,5	19,1	3860,2	16,2	2945,5	13,8	3529,0	13,6	4534,9	11,2
Текстиль, текстильные изделия и обувь	11,3	0,1	8,9	0,06	7,7	0,05	9,8	0,05	5,2	0,02	3,1	0,02	9,1	0,04	7,2	0,02

Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	32,6	0,3	56,6	0,4	31,7	0,02	44,5	0,2	78,5	0,35	144,6	0,7	489,1	1,9	314,5	0,73
Металлы и изделия из них	2074,9	17,1	2389,5	15,04	1133,4	6,4	1332,2	6,8	1669,6	7,0	3812,6	17,9	2555,4	9,9	3310,4	8,2
Машины, оборудование и транспорт-	579,6	4,8	328,3	2,0	217,2	1,2	256,0	1,3	404,1	1,7	432,3	2,0	372,2	1,44	283,6	0,7

ные
средств
ва

Другие товары	22,5	0,2	14,5	0,1	9,9	0,05	15,1	0,08	14,6	0,06	7,2	0,03	7,2	0,03	11,2	0,03
------------------	------	-----	------	-----	-----	------	------	------	------	------	-----	------	-----	------	------	------

Источник: данные таможенной статистики КНР и основанные на них расчеты автора.

Напротив, Россия, сохранив стабильный спрос на товары китайской легкой промышленности и бытовой электроники, в последнее десятилетие активно наращивала и импорт из КНР продукции машиностроения, в т.ч. транспортных средств, оборудования для тепловых электростанций и т.д. В результате экспорт машин и оборудования КНР в РФ с 1 млрд. долл. в 2003 г. вырос до 15,9 млрд. долл., а их доля – увеличилась с 17,6 до 40,9% (см. Таблицу 4).

Скорее всего, данный феномен не в последнюю очередь объясняется активным переносом части перерабатывающей промышленности из России в КНР.

Таблица 4.

Структура экспорта КНР в Россию

	2004		2005		2006		2007		2008		2009		2010		2011	
	млн.д олл..	%	млн.дол л.	%	млн.до лл..	%	млн.до лл..	%	млн.дол л..	%	млн.до лл..	%	млн.дол л..		млн.дол л..	%
Всего	9102,5	100	13212,2	100	15832, 4	100	28488,5	100	33005,4	100	17513, 8	100	29612,5	100	38903,8	100
Продовол ь- ственные товары и сельскохо - зяйственн ое сырье	578,2	6,35	693,5	5,25	836,8	5,3	1165,6	4,1	1320,7	4,0	1106,6	6,3	1441,1	4,9	1852,0	4,75
Минераль -ная продукци я В т.ч. топливно — энергетич ес- кие	100,9	1,1	160,0	1,2	177,6	1,1	244,0	0,8 5	375,4	1,13	125,8	0,7	268,5	0,9	419,7	1,1
	72,6	0,8	128,2	1,0	142,4	0,9	193,5	0,7	265,1	0,8	89,4	0,5	221,8	0,75	351,2	0,9

товары																
Продукция химической промышленности, каучук	439,0	4,8	722,5	5,5	1051,4	6,7	1681,0	5,9	2423,1	7,3	1416,7	8,1	2240,5	7,6	3247,8	8,4
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	2313,8	25,4	2839,6	21,5	1082,1	6,8	807,1	2,8	816,2	2,5	959,1	5,5	1575,6	5,3	1799,4	4,6
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	50,7	0,55	97,1	0,7	154,0	1,0	271,0	0,95	408,7	1,35	254,9	1,4	420,2	1,4	585,3	1,5
Текстиль, текстильные изделия и обувь	3210,2	35,29	4690,5	35,5	5650,1	35,7	11516,2	40,4	8661,4	26,3	4866,4	27,8	7612,7	25,7	9046,2	23,25
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	1,1	0,01	5,8	0,05	11,2	0,1	23,6	0,1	27,6	0,07	19,8	0,1	26,0	0,1	35,0	0,1

Металлы и изделия из них	327,2	3,6	551,5	4,2	1108,3	7,0	2352,7	8,3	3410,5	10,3	1494,4	8,5	2693,7	9,1	3424,0	8,8
Машины, оборудование и транспортные средства	1562,7	17,2	2658,9	20,1	4582,2	28,9	8724,2	30,6	12151,7	36,8	5856,6	33,5	11381,6	38,4	15914,0	40,9
Другие товары	518,7	5,7	792,8	6,0	1168,8	7,4	1703,1	6,0	3410,1	10,3	1413,5	8,1	1952,6	6,6	2580,4	6,5

Источник: Данные таможенной статистики КНР и основанные на них расчеты автора.

Устойчивый спрос Китая на российские лес, металлы, химудобрения и особенно на нефть и нефтепродукты, с одной стороны, и непрерывно возрастающая зависимость России от импорта из КНР как потребительских товаров, так и все более широкой гаммы продукции машиностроения и электроники обеспечили в целом динамичное наращивание объема двустороннего товарооборота. В 1990-е годы он колебался в диапазоне 5–7 млрд. долл. по китайским и 4–5,5 млрд. долл. по российским данным. Стартовав с товарооборота в 8 млрд. долл. в 2000 г., российско-китайская торговля в 2011 г. вышла на рубеж 80 млрд. долл. (79,25 млрд. долл. по китайским и 83,5 млрд. долл. по российским данным). При этом спад торговли был отмечен лишь однажды – в кризисном 2009 г. (см. таблицы 5 и 6).

Таблица 5.

Торговля Китая с Россией
(1992–2011 гг.)

Год	Наименование	Внешняя торговля КНР	Торговля КНР с Россией	Доля России во внешней торговле КНР
		млрд. долл.	млн. долл.	%
1992	оборот	165,5	5862	3,54
	экспорт	84,9	2336	2,75
	импорт	80,6	3526	4,37
1993	оборот	195,7	7679	3,92
	экспорт	91,8	2692	2,93
	импорт	103,9	4987	4,80
1994	оборот	236,6	5077	2,15
	экспорт	121,0	1581	1,31
	импорт	115,6	3496	3,02
1995	оборот	280,9	5463	1,94
	экспорт	148,8	1664	1,12
	импорт	132,1	3799	2,88
1996	оборот	289,9	6845	2,36
	экспорт	151,1	1697	1,12
	импорт	138,8	5153	3,71
1997	оборот	325,2	6118	1,88
	экспорт	182,8	2032	1,11
	импорт	142,4	4086	2,87
1998	оборот	323,9	5481	1,69
	экспорт	183,7	1840	1,00
	импорт	140,2	3641	2,60
1999	оборот	360,6	5720	1,59
	экспорт	194,9	1497	0,77
	импорт	165,7	4223	2,55

2000	оборот	474,3	8003	1,68
	экспорт	249,2	2233	0,90
	импорт	225,1	5770	2,56
2001	оборот	509,6	10670	2,09
	экспорт	266,1	2711	1,02
	импорт	243,5	7959	3,27
2002	оборот	620,8	11928	1,92
	экспорт	325,6	3521	1,08
	импорт	295,2	8407	2,85
2003	оборот	851,0	15760	1,85
	экспорт	438,2	6034	1,38
	импорт	412,8	9726	2,36
2004	оборот	1154,5	21231	1,84
	экспорт	593,3	9102	1,53
	импорт	561,2	12129	2,18
2005	оборот	1421,9	29103	2,05
	экспорт	761,95	13212	1,79
	импорт	659,95	15891	2,40
2006	оборот	1760,4	33398	1,89
	экспорт	969,0	15832	1,63
	импорт	791,4	17554	2,22
2007	оборот	2176,6	48165	2,21
	экспорт	1220,5	28488	2,33
	импорт	956,1	19677	2,06
2008	оборот	2563,3	56830	2,22
	экспорт	1430,7	33005	2,31
	импорт	1132,6	23825	2,10
2009	оборот	2207,5	38797	1,76
	экспорт	1201,6	17514	1,45
	импорт	1005,9	21283	2,12
2010	оборот	2972,7	55449	1,86
	экспорт	1577,9	29613	1,87
	импорт	1394,8	25836	1,85
2011	оборот	3642,1	79249	2,18
	экспорт	1898,6	38904	2,05
	импорт	1743,5	40345	2,31

Источник: Данные таможенной статистики КНР и расчет по ним.

Таблица 6.

**Торговля России с Китаем
(1992–2011 гг.)**

Год	Наименование	Внешняя торговля России	Торговля России с Китаем	Доля Китая во внешней торговле России
		млн. долл.	млн. долл.	%
1992	оборот	96803	4654,7	4,81
	экспорт	54236	2864,4	5,28
	импорт	42567	1790,3	4,20
1993	оборот	95172	5402,4	5,67
	экспорт	59117	3067,8	5,18
	импорт	36055	2334,6	6,47
1994	оборот	105523	3786,0	3,59
	экспорт	66862	2834,0	4,24
	импорт	38661	952,0	2,46
1995	оборот	126578	4297,2	3,39
	экспорт	79869	3431,8	4,30
	импорт	46709	865,4	1,85
1996	оборот	131647	5725,0	4,34
	экспорт	385189	4722,0	5,54
	импорт	246458	1003,0	2,16
1997	оборот	140194	5248,1	3,74
	экспорт	86626	3982,0	4,60
	импорт	53568	1266,1	2,36
1998	оборот	116616	4326,5	3,71
	экспорт	72538	3162,7	4,36
	импорт	44078	1163,8	2,64
1999	оборот	103164	4421,0	4,28
	экспорт	72886	3527,0	4,84
	импорт	30278	894,0	2,95
2000	оборот	136962	6197,0	4,52
	экспорт	103093	5248,0	5,09
	импорт	33879	949,0	2,80
2001	оборот	140726	7126,0	5,06
	экспорт	99198	5509,0	5,55
	импорт	41528	1617,0	3,89
2002	оборот	152885	9238,1	6,04
	экспорт	106712	6836,9	6,41
	импорт	46173	2401,1	5,20
2003	оборот	191002	11566,3	6,05
	экспорт	133655	8257,6	6,18
	импорт	57347	3308,7	5,77
2004	оборот	257232	14851,3	5,77
	экспорт	181662	10105,1	5,56
	импорт	75570	4746,2	6,28
2005	оборот	340181	20312,3	5,97
	экспорт	241473	13047,7	5,40
	импорт	98708	7264,6	7,36
2006	оборот	439051	28668,4	6,53
	экспорт	301244	15758,1	5,23
	импорт	137807	12910,3	9,36
2007	оборот	551684	40319,5	7,31
	экспорт	351930	15895,1	4,51
	импорт	199754	24424,4	12,23

2008	оборот	734681	55922,1	7,61
	экспорт	467580	21142,0	4,52
	импорт	267101	34780,2	13,01
2009	оборот	469023	39509,0	8,42
	экспорт	301652	16668,6	5,52
	импорт	167371	22840,4	13,64
2010	оборот	625979	59290,8	9,52
	экспорт	397067	20326,4	5,12
	импорт	228912	38964,4	17,-2
2011	оборот	821353	83505,0	10,17
	экспорт	516040	35240,6	6,83
	импорт	305313	48264,4	15,81

Источник: Данные Росстата и расчет по ним.

За 2011 г. – Данные таможенной статистики РФ.

Ряд российских экспертов обеспокоен нарастающим разрывом значения двусторонней торговли для двух стран. В начала 1990-х годов доли взаимной торговли в общем внешнеторговом товарообороте КНР и РФ были вполне сопоставимы. Так, в 1992 г. на торговлю с Россией пришлось 3,54% внешней торговли Китая, а в 1993 г. – даже 3,92% (максимальный показатель).

В российской внешней торговле доля Китая составила 4,8% в 1992 г. и 5,67% в 1993 г. Однако после вступления КНР в конце 2001 г. во Всемирную торговую организацию доля России во внешней торговле Китая стабильно колеблется вокруг показателя в 2% (в 2002 г. – 1,92%, в 2011 г. – 2,18%). В то же время, доля Китая во внешней торговле России, судя по российской статистике, выросла с 6% в 2002 г. до 10,17% в 2011 г.

Китай вышел на первое место среди внешнеторговых партнеров РФ. При этом доля КНР в российском импорте существенно опережает ее долю в российском экспорте – в 2011 г., соответственно, 15,81 и 6,83%. Данная ситуация может рассматриваться как свидетельство явно большей экономической зависимости России от Китая, чем Китая от России. Видимо именно в данном контексте следует понимать выраженное авторами обновленной концепции Стратегии развития России до 2020 г. обеспокоенности, что «высокая конкурентоспособность китайской обрабатывающей

промышленности... будет способствовать вытеснению с российского рынка отечественных производителей аналогичной продукции».

Насколько это опасение окажется справедливым – покажет время. В любом случае, однако, выход объема двусторонней торговли на намеченный руководителями России и Китая ориентир – 200 млрд. долл. в 2020 г. – требует настойчивой работы партнеров по дальнейшему совершенствованию форм и существенной диверсификации структуры торговли.

В наибольшей степени это касается российского экспорта. На обозримую перспективу основой его наполнения останутся нефть и нефтепродукты. Этим, однако, вряд ли можно удовлетвориться. Во-первых, одна только нефть не обеспечит выход на желаемые параметры двустороннего товарооборота. Во-вторых, Россия отнюдь не занимает монопольного или исключительного положения как экспортер нефти в Китай (см. Таблицу 7).

Таблица 7.

Основные поставщики нефти в Китай (млн.т)

Всего	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего	91,02	122,7	126,8	145,1	163,1	178,8	203,7	239,3
		2	2	8	6	8	9	1
Саудовс кая Аравия	15,08	17,24	22,18	23,87	26,33	36,37	41,86	44,65

Ангола	10,10	16,21	17,46	23,45	24,59	29,89	32,17	39,38
Иран	12,39	13,23	14,27	16,77	20,53	21,32	23,15	21,32
Оман	9,27	16,34	10,83	13,18	13,67	14,58	11,74	15,87
Россия	5,25	10,77	12,78	15,97	14,53	11,64	15,30	15,24
Доля России	5,76	8,78	10,08	11,0	8,90	6,50	7,50	6,34

Источник: Данные таможенной статистики КНР, сайт <http://comtrade.un.org/database> и расчет по ним.

Наивысшего уровня доля России в поставках нефти в Китай достигла в 2006 г. – 11%, но с той поры она стабильно находится ниже 10% в связи с нарастающим объемом закупок КНР нефти в других странах, прежде всего Саудовской Аравии и Анголе. Пуск в начале 2011 г. нефтепровода Сковородино–Дацин несколько улучшило ситуацию. Однако и в этом случае ежегодные поставки нефти из РФ в КНР в период до 2030 г., скорее всего, составят около 20 млн. т, что даже с учетом поставок нефтепродуктов не обеспечит рост двустороннего товарооборота в два–три раза.

Ситуацию могли бы поправить крупные поставки российского природного газа в Китай, но из-за расхождений о цене на него вопрос о реальных сроках и даже самой принципиальной возможности таких поставок остается открытым.

Совершенно очевидно, что России и Китаю нужно готовить почву для постепенного перехода на инвестиционно-инновационную модель взаимной торговли, которая в большей мере будет отвечать общей долгосрочной стратегии развития обеих стран.

Как известно, Россия, и Китай предполагают решать сходные задачи перехода на «инновационную модель развития» (Россия) и «создания государства инновационного типа» (Китай).

Модернизация экономики России предполагает серьезное обновление производственной базы и развитие транспортной инфраструктуры страны, в значительной мере за счет крупномасштабного привлечения иностранных инвестиций и импорта современных машин и оборудования. Отчасти эта задача может быть решена с помощью Китая: свободные средства в КНР есть, и с ратификацией Россией в 2009 г. двустороннего соглашения с КНР о поощрении и взаимной защите инвестиций формальные препятствия для притока китайских капиталов в РФ устранены. Кроме того, по технико-экономическим характеристикам производимых машин и оборудования Китай на многих направлениях приблизился к уровню развитых стран, что позволило ему выйти на крупномасштабный экспорт продукции машиностроения, в т.ч. в Россию.

С другой стороны, Россия прилагает серьезные усилия по сохранению за собой лидирующих позиций в мире по 7-8 макротехнологиям из примерно 50, определяющих ключевые направления научно-технического прогресса. Это, в частности, космос, нанотехнологии, авиастроение (на базе военного), использование атомной энергии и атомное машиностроение. По всем этим позициям Россия намерена занять весомые ниши на мировом рынке или существенно расширить имеющиеся. Например, долю РФ в глобальном строительстве и эксплуатации АЭС предполагается увеличить с нынешних 16% до четверти. Естественно, Москва заинтересована в наращивании своего инновационного и высокотехнологичного присутствия и на китайском рынке – одном из крупнейших в мире и динамично растущем.

По таким направлениям, как телекоммуникации, биотехнологии, аквакультура напротив, Россия может выступать в качестве интересного рынка для китайских инновационных технологий. Не следует забывать, что на сегодняшний день Китай, по большинству международных экспертных оценок, заметно опережает Россию по рейтингам инновационности и развития информационных технологий.

В качестве прообраза инновационно-инвестиционной модели российско-китайского торгово-экономического взаимодействия можно рассматривать План двустороннего инвестиционного сотрудничества, одобренный в июне 2009 г. главами России и Китая. В нем достаточно конкретно прописано видение обеими сторонами

своих ожиданий друг от друга и приоритетов в работе на рынке страны-партнера, в том числе в машиностроении, сфере информационных технологий, инноваций и научно-прикладных разработок.

Отрадно, что в последние 6–7 лет взаимные инвестиции России и Китая имеют тенденцию к росту (за исключением кризисного периода) (см. Таблицу 8).

Таблица 8.

Прямые инвестиции Китая в России

(млн. долл.)

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Сумма за год	77,3	203,3	452,1	477,6	395,2	348,2	567,7
Накопленный итог	123,5	465,6	929,7	1423,5	1838,3	2220,4	2787,5

Источник: Commerce of China 2011. Press Office, Ministry of Commerce, People's Republic of China, Beijing, pp. 286, 292.

Расширяется и торговля высокотехнологичной продукцией. По данным справочников Министерства коммерции КНР, в 2010 г. Китай использовал 31 вид гражданских технологий из России в ядерной энергетике, авиации, космонавтике, электронике с общей контрактной стоимостью 1,75 млрд. долл. и, в свою очередь, экспортировал в Россию высокотехнологичной продукции на 4,9 млрд. долл. (Commerce of China 2011, Press Office, Ministry of Commerce, People's Republic of China, pp. 24–25).

Определенные надежды на благополучные, несмотря на все трудности, перспективы российско-китайской торговли внушают данные о ней за первый квартал 2012 г. – ее объем вырос на треть по сравнению с первыми тремя месяцами 2011 г.,

тогда как внешняя торговля КНР в целом увеличилась лишь на 7,3%. Похоже, Россия и Китай нужны друг другу как торговые партнеры и сегодня и в будущем.

**Лукин Александр Владимирович,
Директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС, Член Российского
национального комитета Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по
безопасности (АТССБ):**

Владимир Яковлевич блестяще показал соотношение в развитии России и Китая. Но нужно сделать какие-то выводы из этого. Я вот тут прочитал проект, и мне кажется, что у нас есть некоторые проблемы. Проблема заключается в том, что в этом документе не отделены проблемы нашей внутренней политики от проблем внешней политики. А именно проблема подхода к развитию Дальнего Востока нашего правительства, который является крайне неэффективным, мягко говоря, и вопрос российско-китайских отношений, где российская политика в принципе, исходя из нынешних обстоятельств, довольно эффективная. В качестве предисловия я хочу высказать несколько соображений. На чем основаны наши отношения? Официальное название российско-китайских отношений – «стратегическое партнерство и взаимодействие». Что это значит? Смысл этой формулы заключается в том, что у нас отношения очень тесные, но не союзные. Исторически, если мне не изменяет память, Россия заключала союз с Китаем три раза: в конце 19 века, в 1945 году с правительством Гоминьдана и в 1950 году с коммунистическим Китаем. Все три раза эти союзы закончились до истечения сроков этих договоров. Например, в 1945 году он был заключен на 30 лет, однако после прихода коммунистов все это, естественно, закончилось. В 1950 он тоже был заключен на 30 лет. То есть, когда были военные конфликты в конце 1960-х, формально у нас был договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Это говорит о том, что, наверное, между двумя такими крупными и разными странами союз вообще не возможен.

Сейчас многие говорят, что наши отношения сегодня лучше, чем когда-либо было в истории. Это, в принципе, верно. Потому что в 1950-е годы, которые старшее поколение вспоминает, отношения были не вполне равноправными. И это неравенство в то время Китай сам принял добровольно, потому что ему некуда было деваться. Ну и идеология сыграла определенную роль. В настоящее время наши тесные отношения основаны на взаимном интересе. Я тут выделил, какие интересы. Для России - общее видение международной ситуации. Я говорю об официальной версии международной ситуации. Россия поддерживает порядок, установившийся после Второй мировой войны. Что это значит? Ну, скажем, Россия и Китай в Совете безопасности ООН в меньшинстве, потому что все решают постоянные члены. Кроме того, Россия и Китай поодиночке слабее, чем США, но в Совете безопасности они равны США. Зачем же

такую организацию изменять или ликвидировать? С этой точки зрения Россия и Китай являются консервативной силой в международных отношениях. США, которые сдерживают эти отношения, что было особенно видно при Буше, пытаются каким-то образом эти отношения видоизменить. Поэтому у наших правительств есть общие стремления – поддержка в борьбе с сепаратистами. По ситуации на Востоке (Иран, Ирак, Афганистан и т.д.) мы практически всегда голосовали вместе с Китаем. Благодаря сотрудничеству с Китаем российская политика становится менее односторонней. То есть, можно сказать, что если бы не было Китая, то Россия была бы гораздо более одинокой, не было бы некоторых других крупных государств, которые ведут независимую от Запада политику. В Центральной Азии Россия и Китай активно взаимодействуют, в частности в рамках Шанхайской организации сотрудничества, где, в принципе, у нас интересы совпадают – и Россия, и Китай не хотят превращения Центральной Азии в некую базу для исламистских атак против них. Для этого в интересах и России, и Китая необходимо поддержание там светских режимов, поддержание политической стабильности и экономическое развитие. Необходимость для развития сотрудничества Дальнего Востока. Мы говорили, что Китай является первым торговым партнером России с 2007 года и находится на пятом месте по инвестициям среди других стран. Естественно, для российского Дальнего Востока он является одним из основных торговых партнеров и источников инвестиций.

Ну и последний, недавний вопрос – взаимная поддержка в стремлении изменить международную финансовую систему. За это государства БРИКС в целом борются, чтобы больший голос развивающихся экономик там был.

Зачем Китаю Россия? Китай в России в принципе заинтересован меньше, хотя бы потому что Россия играет в его и политике, и экономике гораздо меньшую роль. Тем не менее, Китай рассматривает стабильную Россию, которая способна стать центром многополярного мира, как определенный противовес в своих отношениях с Европой, Западом и США. Поэтому, если бы России не было, Китаю, как и России без него, было бы гораздо более одиноко. Стабильная ситуация на границе с Россией, как и на границах с другими государствами, это принципиальный курс Китая, потому что это необходимо для развития приграничных регионов. И это успешно реализуется. Если вы ездили в Китай, то видели, как эффективно используются российские деньги для развития своих территорий. Это ему необходимо.

Россия является источником важных для Китая товаров, которые он либо не может приобрести у других стран, как, например, вооружение, так как действует эмбарго Запада на поставки, либо не может произвести в достаточном количестве. Китай развивает экспортно-ориентированную экономику, так исторически сложилось. Для Китая необходимо огромное количество ресурсов. А у него с этим проблема. Основная внешняя политика Китая это обеспечение ресурсами и диверсификация источников ресурсов. Поэтому, хотя Россия не является основным источником нефти, например,

но она является важным элементом диверсификации. То же самое касается и других ресурсов.

Россия тоже играет важную роль в развитии северо-восточного Китая и Китай высоко ценит взаимодействие с Россией в Центральной Азии. Китайские эксперты всегда говорят: «Мы уважаем ваши особые интересы в Центральной Азии». Хотя Россия всегда говорит, что у нас нет никаких особых интересов в Центральной Азии. Но они их все равно уважают. Единственно, Китай несколько удивляет, что, говоря, что у нас там много интересов, мы там ничего не делаем. Как выразился один бывший посол, если это ваш бэк-ярд (задний дворик), то за двориком тоже надо ухаживать – поливать цветочки, стричь газон, окучевать этот дворик, а вы как-то ничего и не делаете. Ну, а если вы ничего не делаете, то давайте мы этим займемся.

Поэтому, что я хочу сказать в связи с этим по различным политическим документам. Политической партии нужно заострять внимание на российской неспособности развивать Дальний Восток. Потому что на границе разница хорошо видна. И если 20 лет назад на китайской стороне была маленькая захудалая деревушка, а с нашей – современный советский город, то сейчас ситуация обратная – у нас разваливающийся советский город, а у Китая – активно развивающийся городок с небоскребами. Значит, что-то тут не так. Но мы тоже должны иметь в виду, что в этом мы виноваты – Китай в этом не виноват совершенно. Китай, в крайнем случае, виноват в том, что он нагло успешно развивается последние 30 лет. Кстати, я всегда, когда говорю с нашими выдающимися экономистами, всегда удивляюсь, почему они, обучавшиеся во лучших мировых университетах, ничего не добились, а у Дэна Сяопина, который только среднюю школу окончил, обстановка как-то получше. Может надо что-то по-другому делать? Может надо свою страну знать получше?

Короче говоря, между Россией и Китаем выстроена целая система формализованных взаимоотношений, начиная с ежегодной встречи глав правительств, всевозможных комиссий-подкомиссий, которые я не буду перечислять, каждая из которых занимается своим конкретным направлением в развитии отношений, в том числе в торговой, экономической, культурной и во всех областях. И это очень важно, потому что у Китая практически ни с какой другой страной такого высокого уровня отношений нет. Существует ли этому альтернатива? Понимаете, наш сосед стал сильнее нас. Что мы должны делать? Мы должны наскакивать на него и говорить, что он негодяй и испортить отношения с одной из немногих стран, которые к нам довольно неплохо относятся? Ну, можно это сделать. Но зачем? По-моему, не за чем. У нас и так много других проблем. Гораздо умнее было бы использовать это развитие в наших собственных целях. Вопрос только «как». Тут мы возвращаемся к политике нашего правительства.

Хочу высказать еще некоторые замечания по поводу этого текста (проекта). Когда его составляли, нужно иметь в виду, что, во-первых, все пограничные вопросы между Россией и Китаем решены путем взаимного компромисса. У нас были некоторые спорные территории, но еще при Горбачеве было заключено соглашение, которое

соответствует международному праву, в котором говорится, что граница должна проходить по главному фарватеру реки. По этому соглашению Китай должен был получить больше территорий, чем он реально получил. То есть, он пошел на реальный компромисс, учитывая некую российскую озабоченность рядом вопросов и критику, касающуюся Дальнего Востока. То есть, он вел себя достаточно хорошо. Мог бы, учитывая свою силу, гораздо хуже. Поэтому, когда говорят, что кто-то кого-то предал, как в России, так и в Китае, то это является полной ерундой и незнанием ситуации. Второе. Китай никогда не выдвигал территориальных претензий к России. Есть одно высказывание Мао Цзэдуна, которое он сам потом дезавуировал, довольно старое, но это было неофициальное высказывание в беседе с японскими корреспондентами. И то, он не говорил, что они хотят что-то вернуть. Он говорил, что Россия захватила некоторые части китайской территории. Но было это так или нет – ведутся споры. Но, естественно, разговоры о том, что кто-то у кого-то что-то захватил в прошлом – это не выдвижение территориальных претензий.

Что касается всякой ассимиляции, адаптации и прочего – это полная ерунда. Не существует никаких данных относительно того, что в России проживает большое количество китайцев. В Нью-Йорке, Лондоне или Ванкувере их много больше. По данным ФМС года два назад в России одновременно находится 250 000 китайцев. В основном это туристы, законно приехавшие, бизнесмены. И вообще, в Россию китаец не может проникнуть нелегально. Такжик может – у нас там границы нет. Китаец, если он Амур вплавь не переплыл, в Россию не попадет. Единственное, что он может сделать – просрочить визу. Но таких мало, их вылавливают и высылают. Если люди видят много китайцев, то чаще всего это туристы. По статистике их приезжает к нам 700 000 в год. В то же время россиян в Китай едет почти вдвое больше – 2 000 000 в год. И довольно много людей покупает недвижимость, переезжает жить в Китай – в Пекин, а особенно в приграничные города, например, пенсионеры из Благовещенска. Таким образом, все эти разговоры это либо политическая пропаганда, либо незнание ситуации.

Проблема у нас в связи с этим существует не с Китаем. Проблема у нас существует с Россией. И угроза не китайская, а российская. А что делать с политикой нашего правительства, которая действительно не может обеспечить развитие Дальнего Востока, то правильно говорили, что у нас происходит отток населения – треть населения за постсоветское время покинула Дальний Восток. Это большая проблема. Существует программа по переселению зарубежных соотечественников в Россию, но она не действует, потому что там нет практически никаких стимулов и гарантий. Огромный вопрос это транспорт – билет из Москвы во Владивосток стоит дороже, чем в Нью-Йорк. Это большая проблема, потому что все люди, которые там живут, начинают обижаться и говорить, что им в Китай гораздо ближе и дешевле ехать, чем в Москву. Существует проблема экономического развития Дальнего Востока, но в последнее время некоторые усилия принимаются. Здесь (прим.–в проекте) говорится о том, что закон о развитии Дальнего востока продолжает формирование восточной

политики в интересах крупного олигархического капитала. Ну это правильно, вся политика в интересах крупного олигархического капитала. Почему она в отношении Дальнего Востока должна быть другой? Здесь нужно ее принципиальные основы как-то менять.

«Закон о Дальнем Востоке должен разрабатываться не в коррумпированной тиши московских кабинетов, а в экспертных сведениях». Очень хорошо, правильно. Только как этого добиться?

«Должны быть созданы благоприятные условия для развития в Сибири и Дальнего Востока отечественного малого и среднего бизнеса». Это все тоже правильно. И про это наше правительство постоянно говорит. Только ничего не делает. Поэтому если это просто написать – да, это правильно.

Мне очень нравится, что здесь написано, что торгово-промышленное, экономическое и политическое сотрудничество с великим *южным* соседом. Это правильно. Потому что наши дальневосточные братья очень обижаются, когда говорят, что Китай это великий восточный сосед.

«Нужно развивать отношения с другими странами для баланса роли Китая». Это верно. Но надо сказать, что и с другими странами отношения развиваются и торговля растет, особенно с Японией и Южной Кореей, несмотря на различные проблемы политического характера. Порядок у нас такой – торговля с Китаем составляет порядка 80 млрд. долл. в год, с Кореей и Японией по 20-25 млрд. Может с Японией уже 30 достигло.

Ну, что хотелось бы посоветовать политической партии? У меня есть ощущение после некоторых таких документов... Знаете, у нас есть люди, которые используют внешнего врага для обоснования какой-то политики. Например, некоторые говорят, что у нас Запад – враг. Некоторые говорят, что евреи враги. А вот некоторые начинают говорить, что Китай – враг. На самом деле дело не в Китае. Не надо становиться националистами с отрицательным знаком и говорить, что все проблемы у нас от Китая. Надо переключаться на решение собственных проблем. А если мы будем ссориться с Китаем, то мы будем, как говорят в Америке, стрелять себе в ногу. Ничего хорошего от этого не будет.

Китай не идеальная страна. Я в своем выступлении приводил больше положительные моменты, но это не значит, что я занимаю прокитайскую позицию. Китай эффективно развивается – это факт. Но непонятно, сколько он еще будет эффективно развиваться и насколько стабильная его политическая система. Поэтому, конечно, России не стоит брать с него пример в этом отношении. Но вопрос в том, что делать с этой страной, которая не виновата в наших проблемах и даже не желает нам особого зла. Она смотрит с изумлением на эту огромную территорию и как бы задается вопросом «а как вы, дураки, дошли до такой жизни?». Вот примерное китайское отношение к современной российской действительности.

Еще одна очень важная вещь, что, по моим наблюдениям, основной проблемой у населения Дальнего Востока считается вовсе не Китай. С Китаем идет активное

сотрудничество. А основной враг у них – Москва. Поэтому, если кто-то хочет, чтобы их поддержали на Дальнем Востоке, Китай ругать совершенно не надо.

Я бы предложил в этом или каком-либо подобном заявлении Китай вовсе не упоминать. Или упоминать как-то в целом. Потому что в нашем обсуждении явно проскальзывает некоторое необъективное отношение к Китаю в связи с тем, что он не демократическое государство. Но внешняя политика – это тонкий момент. У нас много соседей, которых мы не выбираем. И тех соседей, которые есть, особенно таких развитых, как Китай, надо использовать для себя.

Не нужно заострять внимание на Китае. Нужно заострять внимание на политике нашей собственной, а китайский вопрос не выделять отдельно, он не является угрозой для Дальнего Востока.

Воскресенский Алексей Дмитриевич,

Заместитель руководителя Центра "Россия-Китай", ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, член Европейской ассоциации китаеведения:

Хотел бы высказать некоторые соображения как независимый эксперт.

Мне показалось, что мы в нашей дискуссии «накидали» очень много тем и аргументов «в одну корзину». По ходу поступления и обсуждения аргументов четко видно, что можно разделить внешние и внутренние факторы в «китайской» и «дальневосточной» проблематике. Я оттолкнулся от двух позиций, которые зафиксировал Александр Владимирович [Лукин] в своем выступлении. Первая связана с территориальным вопросом, а вторая со сходством либо расхождением российских и китайских национальных интересов.

Не так давно у нас в газетах, а впрочем, и в СМИ многих стран Восточной Азии, много писалось о посещениях японским премьером храма Ясукуни в Японии. Некоторые из японских премьер-министров прошлого посещали храм Ясукуни, что, по мнению общественности стран Восточной Азии, и даже представителей министерств иностранных дел ряда соседних стран, свидетельствовало о росте национализма в этой стране и о появлении в этой связи серии новых внешнеполитических проблем, на которые нужно было каким-то образом реагировать. Но ведь храм Ясукуни – это храм, поддерживаемый и финансируемый общественной неправительственной ассоциацией. То есть, государственный деятель Японии в ранге премьера посещал частным образом религиозный институт, «подведомственный» неправительственной организации, основная задача которой заключалась в том, чтобы помнить о душах великих японских воинов, которые на всем протяжении японской истории отдавали свои жизни за японское государство. Но так случилось, что среди этих многих тысяч душ оказались и преступники «класса А», которые были осуждены в ходе Нюрнбергского и Токийского судебных процессов. Многие СМИ, аналитики и эксперты в то время говорили и писали, что такие посещения высшим должностным лицом косвенно свидетельствуют о возрождении духа милитаризма, национализма в Японии и поддерживают те политические силы в японском обществе, которые скорбят о поражении во Второй

мировой войне и об утере японских территорий в ходе подведения итогов Второй мировой войны, а также что это может свидетельствовать о возрождении японских территориальных притязаний на утраченные по международным договорам территории. Именно поэтому практика последующих посещений, пусть и неофициальных, храма премьерами Японии была прекращена, а «возвращение» утраченных, либо спорных территорий возможно только на добровольной основе как часть политики «примирения» и/или на основе финансовых компенсаций («за выкуп»). Т.е. когда такого рода «знаковые» визиты совершают частные (и никому не известные) лица, мы к этому относимся как к какому-то частному, малозначащему с государственной точки зрения явлению, имеющему в основном социологический характер и могущему свидетельствовать о политических настроениях в каких-то сегментах японского общества. Но когда такие визиты осуществляют высшие должностные лица, даже если они это делают неофициально, то это вызывает пристальное внимание во всем мире, особенно в соседних странах, и порождает аналитические и экспертные комментарии. Такого рода визиты или соответствующие высказывания могут иметь и долгосрочные политические и внешнеполитические последствия. Точно такую же логику можно применить к оценке территориального вопроса в истории российско-китайских отношений, особенно, если это касается каких-либо высказываний государственных деятелей, которые занимают особое место в истории наших стран и взгляды, высказывания, работы которых считаются основополагающими. В недавнем прошлом в СССР к таким личностям относились В.И. Ленин и И.В. Сталин, но после XX съезда КПСС в СССР произошла официальная переоценка деятельности Сталина, а после 1990 г. и Ленина. В КНР окончательной официальной переоценки роли и места Мао Цзэдуна в китайской истории пока не произошло, хотя о его деятельности сегодня уже известно достаточно много. Были свойственны Мао Цзэдуну и внешнеполитические высказывания радикалистского типа, часть из которых была зафиксирована в неофициальных публикациях вроде печально знаменитого «цитатника». Вряд ли сегодня стоит «обелять» эти высказывания, оценку им уже дала сама история. Если говорить о взаимоотношениях России с Китаем, то главным политическим и внешнеполитическим итогом отношений двух стран последних десятилетий является установление добрососедских доверительных партнерских отношений конструктивного сотрудничества, направленных на построение между нашими странами стратегических взаимоотношений в XXI в. Построение таких отношений отражает возросший экономический потенциал и политическое влияние Китайской Народной Республики. Эти отношения зафиксированы в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. В Договоре присутствует положение об «отсутствии взаимных территориальных претензий». Комментируя Договор, китайский политический «тяжеловес», в то время Председатель КНР, Цзян Цзэминь заявил: «Навеки друзья и никогда – враги».

Поскольку в договоре в статье, посвященной границе, упомянуты как современная практика демаркации, так и «договоры прошлого», серия комментариев и интерпретаций статей этого дипломатического документа были растиражированы российскими и китайскими СМИ в облегченном бульварном изложении. Ряд крупных дипломатов и ученых (С.Л. Тихвинский, В.С. Мясников, С.Н. Гончаров и др.) публиковали не только разъяснения по этому поводу, но и подробное изложение соответствующих высказываний Мао Цзэдуна о «счете по территориальному реестру», а также (С.Н. Гончаров) переводы, либо извлечения или изложения собственно высказываний, как Мао Цзэдуна, так и Чжоу Эньлая в разное время с различными собеседниками: с председателем Японской социалистической партии Коцзо Сасаки, парламентариями Тосио Курода и Каненуцу Хососеко, заместителем председателя ассоциации японо-китайской дружбы Тетсуо Ара, румынским премьером Й.Г. Маурером, руководством французской научно-технической выставки в Пекине. Эти беседы допускают разные интерпретации мотивов Мао Цзэдуна, но не ставят под сомнения сам факт этих высказываний. Надо сказать, что и в мемуарных работах М.С. Горбачева и Дэн Сяопина (по крайней мере, в китайско-язычном и англо-язычном изданиях) есть пространные пассажи, посвященные китайской версии территориального вопроса в достаточно жесткой интерпретации по отношению к внешней политике царской России, которые по сути не очень сильно расходятся с высказываниями Мао Цзэдуна. Существуют и современные работы китайских экспертов, в частности, и под редакцией известных китайских дипломатов, на эти исторические темы.

Главное, что удалось достичь России и Китаю в современной нам истории последних 25 лет – окончательно вывести пограничную проблему из области политики, перевести ее в плоскость конструктивной дипломатии, достичь консенсусного понимания существа проблемы, на этой основе провести делимитацию и демаркацию границы и построить конструктивное сотрудничество между нашими странами. Но поскольку в тексте договора действительно существует косвенная отсылка к договорам прошлого, которые всеми китайскими прошлыми и современными экспертами, а также многими известными политиками прошлого, считаются насильно навязанными Китаю, после делимитации и демаркации границы следовало бы подготовить и подписать пограничный договор, который бы навсегда зафиксировал в специальном договорном документе справедливость, равноправность, нерушимость российско-китайской границы. Подписание такого документа навсегда и окончательно бы закрыло эту проблему прошлого, отделило бы современный специальный пограничный договор от всех пограничных договоров прошлого, окончательно бы отделило современную границу от прошлой, а, кроме того, позволило бы без оглядки на прошлое и разного рода комментарии использовать китайский экономический и демографический ресурс для модернизации Сибири и Дальнего Востока. Т.е. в этом случае никаких опасений в российском обществе, либо каких-либо его сегментах, по поводу расширения сотрудничества с Китаем не возникало бы, да и не могло бы возникнуть, а в китайском

обществе, связанным с Россией узами доверительного партнерства, соответственно, не могло бы возникнуть какого-либо неприятия такого рода документа. Несмотря на сложность этой проблемы и разного рода ее интерпретаций, рано или поздно в России появится политическая сила, у которой будет наличествовать политическая воля поставить этот вопрос именно таким образом.

Второй момент, которому я хотел бы уделить внимание, касается того, что в своих выступлениях эксперты отталкиваются от того, что у России и Китая сходные интересы: и Россия, и Китай выступают за многополярный мир. Я это уже много раз слышал, и в целом – это правильное положение с точки зрения тактики. Но следующий вопрос, который я себе задаю: а одинаково ли Россия и Китай видят многополярный мир? И я стал размышлять, что Россия подразумевает под многополярным миром. Почему нам, россиянам, импонирует концепция многополярного мира? Во-первых, нас, конечно, однополярный мир не очень устраивает. Почему? Потому, что в однополярном мире у нас не складываются конструктивные отношения с одной конкретной державой, у которой военный потенциал больше, чем наш, и которая проводит успешную на протяжении последней сотни лет экономическую политику, в то время как наша страна в царский период была «жандармом Европы», претерпевала политические катаклизмы установления республиканского строя, переживала гражданскую войну, установление военного коммунизма, политику физического уничтожения части интеллектуальной и политической элиты страны и провозглашала коммунизм, строительство которого завело нас окончательно в тупик, в результате чего развалился СССР. Я не даю оценок, я только перечисляю исторические факты. Однополярный мир жестко фиксирует стратегическое поражение исторических целей внутренней и внешней политики страны как они формулировались на протяжении последних 80 лет и вплоть до конца 1980-х., т.е. до их переформулирования М.С. Горбачевым. После образования Российской Федерации политическая элита России оказалась неспособна после окончания переходного периода и экономической стабилизации сформулировать политику установления стратегического партнерства со странами, развитыми экономически и политически, и взаимовыгодного партнерства с остальными странами, что позволило бы России интенсивно и динамично развиваться как экономически, так и политически.

Китай также не устраивает однополярный мир в его современной редакции, прежде всего, потому что такой однополярный мир фиксирует политические различия Китая с США, демократическими странами и развивающимися странами с преимущественно неавторитарными режимами. Нам кажется, что наше неприятие американского гегемонизма одинаковое с Китаем. Но у Китая очень четко понятие гегемонизма означает неприятие права управлять миром у того, кого Китай считает не имеющим права управлять в силу движения мира, как считает официальная китайская общественная теория, к социализму и коммунизму, а не к каким-либо версиям эволюционирующего капитализма (конвергенция), социального рыночного государства

и т.д. Китайское понятие многополярного мира исключает собственно китайский гегемонизм, точно также как марксистско-ленинская концепция диктатуры пролетариата не считала насилием диктатуру в отношении других классов и социальных прослоек ради установления светлого будущего, а СССР вел борьбу за мир во всем мире, в частности, и насильственным образом, что и вызвало, в конечном счете, раскол и полемику между СССР и КНР. Такая постановка вопроса вызывает аналогии с традиционными китаецентричными представлениями императорского Китая, отражением чего некоторые эксперты и считают выдвигание концепции «новой Поднебесной».

Специалисты и эксперты, конечно, могут спорить по поводу интерпретаций того или иного национального миропонимания, но один из таких вопросов, нуждающихся в обдумывании - выдвигание рядом китайских экспертов концепций «новой Поднебесной» и «культурной сверхдержавы». Традиционная китайская Поднебесная всегда управлялась на основе иерархической системы, в центре которой был Китай, который считался находящимся на более высокой ступени цивилизационного развития по сравнению со своими соседями, которыми в древности и средневековье были, в основном, кочевые «варварские» племена.

Это, собственно, к вопросу по поводу того, насколько наше стратегическое видение совпадает, или может совпадать, с китайским. Хотя, с точки зрения тактической, по-видимому, на ближайшее время наши взгляды совпадают: и Россия, и Китай хотели бы усилиться. Только для России ее стабилизация и усиление, прежде всего экономическое, будет означать способность остаться в «большой мировой политике» и не похоронить окончательно за время этой стабилизации и усиления свое собственное население, и, прежде всего, его интеллектуальную, научную и образовательную социальную страту, без которой Россия превратится в заурядное государство. А для Китая усиление будет означать превращение его в крупнейшую экономику мира, которая пока не сформулировала свое видение китаецентричного мирового порядка. Т.е. основная проблема российского возвышения – «сохранение народа» и системы открытого социально-политического доступа при формулировании модели сбалансированного интенсивного развития. А основная проблема возвышения Китая – сформулировать такие параметры *Pax Sinica*, которые были бы более приемлемы для мирового сообщества, чем *Pax Americana* и Пост-Вашингтонский консенсус, поскольку Пекинский консенсус, как выяснилось в ходе последних 5 лет, был основан на приоритете интересов собственно китайского развития над всеми остальными, пусть и без комментариев относительно авторитарного характера национальных политических режимов партнеров по торгово-экономическим отношениям. Таким образом, относительно стратегического сходства интересов России и Китая, существует много вопросов. Эти вопросы касаются, прежде всего, устройства мира и параметров внутривнутриполитического развития, в том числе и Китая, т.е. связаны со структурированием нашего и китайского государств в ходе экономического и политического развития.

В этой связи также хотелось бы упомянуть и о концепциях «расширяющихся фундаментальных интересов», которая настороженно воспринята всеми соседями Китая, поскольку также фиксирует внимание на приоритете фундаментальных интересов Китая над интересами других или другом видении интересов другими странами, особенно сопредельными. Кстати, концепция России как «стратегического тыла Китая», распространенная в среде официальных китайских экспертов, может и не предполагать совместных целей развития, скажем, каких-либо территорий, кроме собственно китайских.

Следует заметить, однако, что все эти вопросы могут быть решены в ходе эволюционного консенсусного совершенствования структуры современного мирового порядка, поскольку его силовой слом похоронит все надежды на относительно быстрое преодоление экономического кризиса. В то же время и различным политическим силам России пора бы подискутировать о том, какова может быть не только тактика, а выверенная стратегия отношений с Китаем, позволяющая строить с ним долгосрочные дружественные отношения, в частности, и в связи с выдвигание задачи модернизации и развития Сибири и Дальнего Востока.

Кроме того, в ряде выступлений прозвучало очень много интересных и впечатляющих цифр. Я решил немного порассуждать, как можно иначе интерпретировать некоторые из цифр, прозвучавших в докладе Владимира Яковлевича [Портякова]. К примеру: Россия передвинулась на 10 место в торговле с Китаем, и в целом это хорошо. Российско-китайская торговля развивается. Россия получает финансовый ресурс, который может быть использован для развития и повышения благосостояния своего народа. Понятно, за счет чего Россия эту торговлю будет наращивать – за счет экспорта природных ресурсов, в которых очень сильно нуждается Китай, чтобы обеспечить конкурентную цену на продукты экспорта, быстро дорожающего из-за роста стоимости китайской рабочей силы, или же для насыщения своего внутреннего рынка товарами, произведенными с использованием импортированного недорогого сырья. Пока при росте объемов российско-китайской торговли, никакого другого товара с российской стороны, с помощью которого можно интенсивно наращивать товарооборот, не просматривается.

Второй тезис, который выдвигается в докладе: такая ситуация - результат политики последних 20-ти лет. Я думаю, что это не так. Это результат политики последних 100 лет, потому что нельзя отрывать политику последних 20 лет от того, что было до этого. Вопрос очень важный, потому что следующий вопрос, который возникает: если мы хотим развиваться, то нам нужен доступ к мировому доходу и нам нужно производство товаров с высокой добавочной стоимостью. Именно с помощью этой добавочной стоимости к собственным возможностям мы можем развивать свои территории. Дело в том, что весь исторический опыт функционирования СССР как «закрытого государства» однозначно показывает, что на основе только собственных ресурсов при пренебрежении уровнем жизни собственного населения, поднять такие огромные территории, равные почти 1/6 мировой суши, невозможно. Следовательно, нужны

внешние ресурсы. Это либо инвестиции, либо демографические ресурсы, либо и то, и другое. Демографического ресурса у нас своего не хватает, значит, его нужно откуда-то заимствовать. Денег у нас своих на развитие таких огромных территорий тоже не хватает, значит, их нужно каким-то образом зарабатывать. Иначе бы не ставился вопрос о том, что нужно развивать высокие технологии в условиях, когда намечается падение цены на ресурсы. С тем, что нужно развиваться, все согласны. Идет дискуссия – за счет чего?

И вот в этом вопросе я согласен с предыдущими выступающими: формируемый образ внешнего врага, который выдвигается некоторыми политическими силами или общественными организациями в России, крайне опасная вещь. Дело в том, что Советская Россия, как и Китай периода Мао Цзэдуна, поднимались за счет усиления государства, включая давление на свое собственное население, при одновременном практически полном закрытии от внешнего мира. При формировании такой модели развития образ врага, не важно какого именно, играет важнейшую роль. Для Китая в то время врагом стал СССР, а для СССР – и США, и Китай. История нашего и китайского государства показала ошибочность такого пути. Вопрос: можно ли сегодня развиваться только на «государственной» основе и можно ли сегодня развиваться, только закрываясь от других, если история уже раз показала не только ошибочность такого пути, но и цену, которую платит страна за подобную модель развития? Этот вопрос, мне кажется, на самом деле ключевой с точки зрения того, что нужно прежде всего отражать в заявлениях политических партий, которые пытаются ответить на вызовы современности и на то, что нужно нашему народу, в частности, и при выработке стратегии отношений с Китаем.

Следующий вопрос. Говорят, что после 1990 г. у нашего государства никакой стратегии не было. С этим высказыванием можно легко поспорить. Сейчас мы понимаем, что достигнута стабилизация, и на повестку дня встал вопрос о другой стратегии – стратегии развития. Вопрос – как формулировать такую стратегию и каковы ее составные части? Эта стратегия в противовес стратегии стабилизации 1990-ых теперь основана, прежде всего, на государственном ресурсе. Отсюда второй вопрос: стратегия будет включать государственно-частное партнерство или не будет? Или же она будет основана на выдавливании бизнеса из «большой политики» и его «инструментальном» использовании в развитии страны? Новая стратегия развития Сибири и Дальнего Востока будет включать только ведомственный подход или еще какой-либо другой? СМИ пишут о возможном создании министерства развития Сибири и Дальнего Востока. Достаточно ли создания нового министерства для того, чтобы развивать Дальний Восток, либо должны быть задействованы какие-то общественные ресурсы (партии, общественные организации, гражданское общество, наконец) для того, чтобы решить эту проблему? Такого рода вопросы, насколько мне известно, пока даже не обсуждаются ни в экспертном сообществе, ни в среде политиков, но, может быть, я ошибаюсь, и такие дискуссии где-либо ведутся.

Теперь относительно внешних и внутренних параметров развития. Внешние – это на кого опираться? Владимир Яковлевич [Портяков] не даст мне соврать, что на одном из обсуждений он как-то сказал, что при таком стремительном экономическом росте, нужно опираться только на Китай. Но такая постановка проблемы вызывает вопросы. Внутриполитические сомнения понятны: при таком «однобоком» развитии мы неизбежно будем испытывать влияние китайской политической модели, особенно в ситуации пока наша собственная модель внутриполитического устройства не приобрела консенсусную устойчивость и поступательную динамику. Исходить из того, что Китай становится единственным внешним стимулом развития России – значит решить для себя, что рост Китая будет бесконечен, будет беспрепятственно продолжаться дальше следующие, по крайней мере, 20-30 лет, а Китай займет место США в мировой экономической и финансовой системе и окончательно станет экономическим, политическим и технологическим центром мира. Поэтому нужно на него переориентироваться даже с неизбежными внутриполитическими издержками. Однако замедление роста Китая, которое наблюдается с 2008 г. и особенно, на протяжении последнего года, говорит, что китайская модель в том виде, в каком она существовала с 1978 г., фактически себя исчерпала. Не сомневаюсь, что у Китая есть резервы для развития, но уже сейчас ясно, что замедление роста в Китае при том, что у него существует много проблем в формулировании обновленной модели развития, которой и займется новое китайское руководство (надеюсь, что с успехом), заставляет все крупные страны диверсифицировать внешние источники своего развития.

Теперь относительно демографической проблемы. Здесь много говорили о продолжающемся оттоке населения с Дальнего Востока. Но все исследования и социологические опросы последних лет говорят, что оттока населения с Дальнего Востока, в последние годы на самом деле, нет, а если и есть, то он очень небольшой. Т.е. демографический ресурс с Дальнего Востока никуда не девается, он остается внутри России, в Сибири. Накопление демографического ресурса в Сибири само по себе очень отрадное явление, а если на Дальний Восток придут крупные национальные и интернациональные инвесторы с крупными проектами и финансовыми ресурсами, то в этот регион начнут приезжать работать молодые люди, которым нужно решать свои финансовые проблемы – покупать жилье, рожать детей, воспитывать их, давать им образование и т.д. Т.е. демографическая проблема этого региона напрямую увязана с успешностью формулирования модели развития Дальнего Востока.

Ну и последнее положение. Я согласен с Владимиром Яковлевичем, что мы довольно успешно развивались в тех сферах, в которых у нас был рынок сбыта. Следовательно, надо подумать, как формировать эти рынки сбыта. Это, в частности, могла бы быть и задача государства: способствовать формированию рынков сбыта, поддерживать любые российские, либо совместные, проекты, нацеленные на развитие, создать такой климат, чтобы созданный руками, мозгами, выдумкой и трудолюбием продукт давал отдачу только тому, кто его реально сделал, а не сонму чиновников, соавторов,

соруководителей и т.д. В этом и заключается система открытого социального доступа, который, кстати, тот же Китай, по крайней мере, в экспортоориентированных отраслях экономики, науке, образовательных проектах создал и активно развивает последние 30 лет. Именно поэтому Китай так активно рос на протяжении последних 35 лет, не смотря на все ограничения, которые накладывает на него его политическая система. Почему у китайцев получилось? Мы не раз за время нашего круглого стола вспоминали Дэн Сяопина. Когда вернулся после третьей ссылки, он повторил фразу, за которую пострадал в первый раз: «Не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей». То есть, не важно, какую модель вы осуществляете, главное, чтобы лучше стало в стране, главное, чтобы лучше стало жить людям, а потом мы решим все другие частные политические вопросы. Потому что, если модели развития приносят только тяготы населению, то грош цена таким моделям. Чтобы развиваться, китайцы в соответствии с идеями Дэн Сяопина ввели открытый доступ ограниченно в тех узких сегментах, которые они считали ключевыми для развития государства. Даже в деревне китайские власти допустили семейный подряд и постоянно уменьшали долю урожая, которую крестьяне должны были продать по фиксированным ценам государству. В результате этой политики крестьяне, до этого самый бедный и отсталый социальный слой в Китае, стали богатеть и улучшать свое материальное благосостояние. Дальше, через какое-то время, китайцы ввели частичный открытый доступ на низовом политическом уровне – пошли более-менее открытые выборы на локальном уровне. До сегодняшнего момента это давало Китаю возможность развиваться экстенсивным путем. Интенсивный путь развития основан на продуктах творчества высокого интеллекта, к которому вообще мало применимы насильственные и внеэкономические методы принуждения. Что будет дальше – мы пока не знаем, это задача развития Китая, которая будет решаться следующим поколением китайских руководителей. Если мы сможем внешние и внутренние факторы развития связать в одну целостную концепцию, или если какая-то политическая партия их сформулирует в виде политической позиции таким образом, чтобы они были взаимосвязаны, то тогда мы сможем двигаться вперед, в частности и с точки зрения развития Сибири и Дальнего Востока.

Иваненко Сергей Викторович,

член Политического комитета РОДП «ЯБЛОКО»:

Эти проблемы (Дальний Восток) мы обсуждаем довольно давно, потому что проблемы эти для нас - политические. Начну я с того, что пресловутая программа «500 дней» состояла из двух частей. Первая часть - стандартная МВФская программа стабилизации финансов, рынков, контроль инфляции и т.д. Что касается институциональных вопросов - это была попытка сделать реформу Дэн Сяопина в Советском Союзе, с полным пониманием того, что на первых порах не потребуется резкой ломки политической системы, которая произошла у нас потом в 90-х. Я назову несколько позиций, расскажу, что мы имели в виду. А мы имели в виду, во-первых, экономический союз. Во-вторых, немедленный старт развития малого бизнеса. В-

третьих, отказ от крупной приватизации, все АО должны были создаваться со стопроцентным госучастием. Дальше мы говорили о том, что России нужен план Маршалла. Для того, что бы произвести хотя бы минимальное перевооружение экономики, потребовались бы огромные деньги.

Посмотрим, что сделал Китай? Китайское экономическое чудо - не уникально в мировой истории. Было японское экономическое чудо, не менее впечатляющее. Было германское экономическое чудо. Японцы зацепились за одну отрасль - за уголь. Стали ее продавать. Сами жили в огромной, гигантской нищете. Продавали уголь, накапливали деньги, покупали патенты, начали потом выплавлять сталь, потом автомобили и пошло-поехало. Им потребовалось для этого без малого 20 лет. Это и знаменитые пробеги по США с целью рекламы своих машин, которые выигрывали по всем параметрам у американских. Вот именно тогда и начались торговые гонки. Они купили 3/4 мировых патентов на то время, если я не ошибаюсь. Конечно, им продавали не самые передовые, но они потом стали их развивать. На их основе стали делать телевизоры, полупроводниковые радиоприемники, игрушки. И стали мировой в экономическом смысле державой. По всем параметрам: по ВВП, по ВВП на душу населения, по экспорту, по импорту по покупательной способности.

Что же сделал Китай? Китай реализовал все плюсы глобализации. То, что задела Германия после войны, Япония. То, что не сделал Пиночет. Он начинал масштабные реформы, все заговорили об экономическом чуде, а потом это было остановлено политическими репрессиями, давлением Запада. Так вот Китай смог все это задействовать, те импульсы, которые давала мировая глобализация. Что я имею в виду прежде всего?

А китайцы не покупали этих патентов, им просто никто их не продает, потому что это коммунистическая страна и с ними опасно иметь дело. Они просто согласились, что там (в Китае) работает иностранный бизнес. Кстати о коррупции. Коррупция в РФ отстает от китайской, но опережает французскую. Потому, что там (в Китае) вся партийно-политическая система коррумпирована. Что такое иностранный бизнес в Китае?? Это значит - китайская компартия создает предприятие где-то в Гонконге, Макао, и эта организация инвестирует в Китай. Может сейчас все и изменилось. На самом деле они получили возможность у себя собирать все. Все, что в мире состоит из чипов - все это они собирают. Масштабы этого рынка - гигантские. Потому, что чипы существуют везде. Это же умное решение. Они встроились в мировую глобализацию. Вот оттуда короткий вывод: не будет Китай конфликтовать с миром, тем более с Америкой. Эта страна зависима от головы до пят. В основном ВВП идет на Запад. «Эппл» почему установил такую очередь? Потому что китайцы не успевают. Он («Эппл») бы с радостью выкинул столько на рынок. В Китае они работают 7 дней в неделю по 16 часов в сутки. Там даже восстание было на заводе «Эппла». Мы к сожалению прохлопали эту ситуацию. Во-первых, «500 дней» и вообще весь этот план не сработал по одной причине - мы не китайцы. Удержать эту систему было никак нельзя. Экономический союз подписали - через два дня все дезавуировали. Украина проголосовала за сохранение союза, через 3 месяца из него благополучно вышла. Но это наша страна. В экономике - та же история. Но вот здесь есть вещи, которые надо было делать. И наше правительство и Ельцина, и Путина - палец о палец не ударили. Необходима была интеграция в мировой рынок, не в смысле торговли нефтью, а в смысле начать сборку. А нам мешает такой вот великорусский шовинизм. Зато мы

делаем ракеты, перекрыли Енисей и т.д. Мы ручку не можем сделать, вилку, бутылку. Я не уверен, что в этом зале есть что-то сделанное в России.

Теперь перехожу к Дальнему Востоку. Стратегический путь - это интеграция в Европу. Это попытка получить мировые достижения, на первых порах брать сборку, не выдумывать ничего нового, делать как Япония, делать как Китай. Брать у них что-то лучшее. Брать у них что-то, когда у них получалось, когда они национализировали медные горы. Теперь, что касается Дальнего Востока: проблема существует с момента его открытия. И она с тех пор носить примерно один и тот же характер. Там никто не живет, потому, что там мерзлота. Там БАМ построили, который поплыл. Меня кстати очень воодушевило, что уважаемые эксперты говорят, что там 6,5 миллионов человек. Когда мы выбирались там в 1995 году, мы считали, что там живет 5 миллионов человек. Это колоссальный рост. Но если через Амур, напротив, живет 350 миллионов человек, я не знаю, какая тут демография поможет. Это не решаемая проблема по определению.

Я вспоминаю один разговор с Путиным, в 99м, он еще не забронзовел, был премьер-министром. Он собрал фракции, когда мы демарш устроили. А меня только избрали председателем комиссии по СРП (соглашения о разделе продукции). Сидели все 10 фракций. И я ему говорю - вот СРП, вот американцы, японцы, индусы потом подключились. Они хотят развивать добычу нефти и газа на шельфе Сахалина. Вы как, за или нет. Потому что это сложная работа, она требует переговоров. Путин сказал «Мне это очень важно. Главная задача, что бы западный бизнес пришел на Дальний Восток. Что бы у них там был свой интерес». Но потом мы стали экономической сверхдержавой за счет сырья. Но в 1999 цена барреля еще была 8 долларов. Поэтому были выгодны СРП. Затраты огромные, но это было выгодно. Когда цена стала 100 долларов, про СРП не вспомнят еще несколько десятилетий. В общем, население мы там не увеличим, это не реально.

Я резюмирую. Мощные иностранные инвестиции на основе глобализации, желательно с прогрессивными технологиями. В том числе и по добыче нефти и газа.

Китай не является угрозой. Более того там нужна очень умная внешняя полтика. Потому что кроме Китая там есть Япония, Корея и вся юго-восточная Азия. Там не один Китай. Я был руководителем российской делегации во время официального визита в Корею. Они все спрашивают - что вам Китай? Нас сорок миллионов, почему вы с нами дела не ведете? Транссиб тупо гоните до той точки, где мы его не можем использовать. А Корея - это те же машины, те же телевизоры, телефоны. Чем они хуже китайских? Потому, что Корея с Китаем сами знаете в каких отношениях. В общем, там нужно вести умную политику.

Надо внятно и четко, в политических документах говорить о защите Дальнего Востока. Там должен быть форпост. Вот БАМ строили в военных целях, так хоть в военных его используйте. Его строили как дублер Транссиба. Пионковский сказал очень умную фразу - «Только полный идиот планирует сухопутную войну с Китаем». Это проблема военного сдерживания. В первую очередь, конечно, ядерное сдерживание.

И последнее – Китай, конечно, очень динамично развивается. Но не надо этого пугаться. Вы посмотрите на военные парады Китая. Они ходят в военной форме Советского союза образца 50-ых годов. Какие у них там спутники, какие ракеты? Все-таки супертехнологической державой я бы их называть не стал. Не надо гипертрофировать значение этой проблемы. Самое главное вести там умную политику.

И не надо забывать, что все, что там делается, делается на 1,5 миллиарда человек. А у нас всего 140 миллионов.

**Гнездилов Александр Валентинович,
Член Бюро РОДП «ЯБЛОКО», режиссер:**

Я позволю себе несколько филистерских замечаний по обсуждаемой проблеме.

В прошлом году мне довелось быть на журфиксе немецкого Фонда Генриха Бёлля, где обсуждались российско-китайские отношения. Тогда меня поразило, что эксперты со стороны Китая обсуждали, прежде всего, вопросы цен на нефть и газ, то есть вопросы нашего экономического сотрудничества. А наши эксперты основное свое внимание сосредоточили на геополитическом взаимодействии, на совместном противостоянии планам США в ООН и так далее.

Складывается впечатление, что мы приносим свою прагматическую выгоду в отношениях с целым рядом стран в жертву «ястребиным» фантазиям времен давно прошедшей «холодной» войны. И в этом отношении России стоит поучиться прагматизму у Китая.

Здесь нужно отметить также, что на западной границе с Китаем в районе Южной Сибири именно «Газпром» выступает лоббистом в проведении газопровода, хотя его экономическая целесообразность для РФ и КНР не вполне очевидна (достаточно далеко тянуть до основных предприятий в Восточном Китае). Но, тем не менее, Газпром лоббирует в своих корпоративных интересах этот проект, связанный с угрозой Объекту Всемирного наследия ЮНЕСКО - плато Укок.

Это плато, по которому намерены прокладывать газопровод – настоящее сокровище для археологов, историков, культурологов, этнографов, поскольку там на высоте 2000 метров в холодном климате прекрасно сохраняются археологические артефакты и есть редкая возможность гораздо лучше, чем прежде, исследовать скифскую культуру.

Плато Укок также является местом религиозного поклонения ряда народов Алтая. Эта природная территория имеет и немалое экологическое значение, как мало затронутый человеком уголок природы Центральной Азии. Наконец, чисто эстетически Укок – это прекрасные, удивительные по красоте ландшафты. Будет очень жаль, если плато принесут в жертву ради не очень-то и нужного газопровода.

В этом смысле, говоря о России, я согласен с Александром Владимировичем Лукиным, что часть проблем во взаимоотношениях с Китаем кроется прежде всего внутри нас самих.

Россия занимает в рейтинге Всемирного экономического форума 5-е место по своему природному потенциалу для туризма и 9-е по культурно-историческому наследию. Но по развитию туристической отрасли мы находимся сегодня лишь на 59-м месте.

Кстати, это одна из сфер, где мы бы могли бы развивать наше сотрудничество с Китаем, потому что туристы из КНР сегодня сменяют японцев в роли многочисленных путешественников, открывающих для себя мир.

Социологические опросы россиян стабильно включают Китай (наряду с Беларусью) в число друзей нашей страны. При этом очень показательно, что мы воспринимаем Китай, как одного из своих ключевых партнеров, но при этом у нас существуют тезис о китайской угрозе и колоссальное культурное отчуждение. Когда мы говорим о Китае, то, с одной стороны, Н. С. Михалков заявляет, что у китайцев и у русских близкий друг к другу генотип, но при этом мы абсолютно отчуждены друг от друга и имеем крайне малое представление о китайской культуре.

Нас пытаются убедить, что Россия – евразийская страна, но взаимосвязь культуры нашей страны с другими странами Европы и наши культурные связи с цивилизациями Азии просто несопоставимы. Большинство людей хотя бы на уровне названия слышали о «Гамлете» и «Ромео и Джульетте». Шекспира и Мольера проходят в школе. Но очень мало кто в России сможет назвать хотя бы одно произведение китайской классической литературы.

Сколько людей слышали о таких произведениях, как «Троецарствие» или «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня, не говоря уж о том, чтобы читать их? А между тем это одни из важнейших литературных произведений Китая, сопоставимых с такими «Евгением Онегиным» и «Войной и миром» для нашей страны.

Вообще, до тех пор, пока представление россиян о Китае будет (согласно опросу фонда «Общественное мнение») сводиться к растущей мощи, многочисленности, массовому производству ширпотреба и тому, что нашему глазу зачастую непросто отличить одного китайца от другого – до тех пор будет сохраняться и ощущение китайской угрозы, так называемая «китаефобия» или «синофобия».

Эта китаефобия - показатель того, что потенциал культурного и общественного взаимодействия в наших отношениях с Китаем недостаточно востребован. Мы мало знаем о своем близком и влиятельном соседе.

Весьма полезным в этом отношении для нашего зрителя было бы знакомство с китайским кинематографом, который (несмотря на существующие цензурные ограничения, наносящие ему безусловный вред) чрезвычайно интересен.

Во-первых, так называемое 6-е поколение китайских кинематографистов очень жестко затрагивает во многих своих фильмах социальные проблемы Китая. Это полезно для нас в том смысле, чтобы наши граждане, когда им говорили бы политики с экранов ТВ о китайском опыте, ясно представляли бы себе, о чем идет речь на самом деле.

Во многих китайских фильмах говорится и о социальном расслоении, и о коррупции, и о проблемах молодежи, и о потребительском отношении к природе, и о причинах эмиграции из КНР.

Эти фильмы очень полезны еще и потому, что они открывают китайцев как живых людей, а не похожих друг на друга полу-роботов. Мы видим живых людей с их мыслями и чувствами, с их проблемами, очень похожими на наши российские проблемы.

И еще: когда мы говорим о заимствовании китайской модели, не надо забывать, что мы находимся совершенно в другой плоскости. Россия более чем в два раза опережает

Китай по ВВП на душу населения. А есть вопросы еще и об экологии, о том, что в Китае происходит с соцобеспечением. Сколько пожилых людей получают в КНР пенсию, а сколько не получают, что там с медициной, с образованием, их доступностью и т.д.

Когда нашим гражданам все время рассказывают о китайском пути, им не рассказывают о том, что такое китайская экономика, китайская социальная система и т.д. Граждан обманывают и оставляют в неведении.

Интерес большинства российских политиков в такой пропаганде понятен. Речь идет о том, что можно развивать экономику без демократии. Именно под этим соусом у нас китайский путь и преподносится.

Я думаю, что общественное взаимодействие, культурное, туристическое было бы очень полезно для избавления от иллюзий на эти темы.

Знакомство с китайскими фильмами пошло бы на пользу, в том числе, и нашему кинематографу, и современному российскому искусству в целом.

Сегодня мы видим поощряемое государством нарастание военно-патриотической составляющей в кино, как России, так и Китая. В Китае сегодня режиссеры 5-го поколения (такие яркие фигуры, пользующиеся международным признанием, как Чжан Имоу, Чэнь Кайгэ, Фэн Сяоган) понемногу интегрируются в элиту КНР, и в околополитические круги, и в мир буржуазного гламура. С ними пытаются сделать примерно то же самое, что у нас произошло с поколением Михалкова, Бортко, Хотиненко, Говорухина, Шахназарова. Их, грубо говоря, пытаются «прикормить». Они проходят путь от признания их артхаусных фильмов на фестивалях, через более или менее успешные попытки сотрудничества с Голливудом, к пафосным высокобюджетным проектам, создаваемым при покровительстве властей.

Но здесь интересно то, как китайские режиссеры в своем творчестве пытаются, хотя бы отчасти, сопротивляться соблазнам. Имоу, например, снимает «Проклятие золотого цветка», делая девизом фильма старую китайскую пословицу «Золото и блеск снаружи, гниль и труха внутри» и подвергаясь после этого критике одного из партийных изданий Компартии Китая за его излишние «кровоавость» и «порочность». И еще интереснее, что на подмогу и на смену старшим мастерам пришло очень «зубастое» 6-е поколение в лице Лоу Е, Ю Ли, Цзя Чжанкэ и других. Они приняли от старших флаг критического реализма и в их творчестве мы также видим острые социальные проблемы современного Китая. Несмотря на цензуру и то, что некоторым из них и их продюсерам запрещают работать - они снимают свои фильмы, иногда даже подпольно, как произошло с «Весенней лихорадкой» Лоу Е. Этот фильм получил приз в Каннах за лучший сценарий и рассказывает о секс-меньшинствах в КНР. Он был снят, несмотря на 5-летний запрет на работу для этого режиссера, после сделанного им фильма «Летний дворец» о поколении студентов площади Тяньаньмэнь и их попытках найти себя в Китае и на Западе после неудачи их выступления за политическую демократизацию.

И это составляет разительный контраст с подавляющим большинством того, что выпускается молодыми и относительно молодыми российскими кинорежиссерами. Недавно это поколение в нашем кино назвали где-то «новыми тихими» и, увы, во многом это правда.

Мы не можем встретить в российском кинематографе целый ряд актуальных проблем, он бежит социальности. А если мы и встречаем острые темы, то в отношении к ним, как правило, торжествует веселый пост-модерн: все превращается в повод для бесконечного юмора, но этот юмор не ведет к уничтожению зла, а выступает примиряющим нас с ним началом. Это не сатира, а способ эскейпа, бегства от реальности. Мы смеемся и в смехе принимаем коррупцию, пьянство, межэтнические противоречия, бесправие как данность, как неотъемлемую и нормальную часть нашей жизни, неустранимую деталь картины нашего мира.

Многим нашим деятелям искусства стоило бы одолжить хоть немного социального прогрессизма китайского авторского кино и его гуманистической направленности, чтобы не мириться дальше с существенными недостатками нашего общества и государства.

Таким образом, я упорно возвращаюсь в своем выступлении к необходимости внутреннего самосовершенствования России, к необходимости перемен внутри государства, без чего невозможно ни освоение и развитие Дальнего Востока, ни решение какой-либо другой важной созидательной задачи.

Борщев Валерий Васильевич,

Член Политического комитета РОДП «ЯБЛОКО», председатель Общественной наблюдательной комиссии Москвы:

Мне, на самом деле, ближе точка зрения Алексея Владимировича. Александр Владимирович сказал, что Китай никаких территориальных претензий не предъявляет. Действительно, никаких официальных документов по этому поводу нет. Но все мы слышали, как Григорий Алексеевич Явлинский неоднократно рассказывал о встрече Дэн Сяопина и Горбачева. И Дэн Сяопин сказал Михаилу Сергеевичу: «Вопросы территорий оставим будущим поколениям, а давайте сейчас поговорим о проблемах сиюминутных». И известно, хотя официальных документов нет, что существует карта, на которой Сибирь является территорией Китая – граница идет по Становому хребту. И все это известно, и люди это знают, особенно те, которые живут на границе. И их тревога вполне понятна. Александр Владимирович прав – ни в коем случае нельзя делать образ врага, и эти тенденции, эти течения надо как-то купировать. Но ощущение тревоги не напрасно. Все эти факты, которые приводит Алексей Владимирович, накладываются на это. Но дело действительно абсолютно не в Китае. И дело даже не в экономической выгоде, которую наши лидеры осуществляют. Это идет сознательная политика – да, однополярный мир плохо, мы отталкиваемся от США и каким-то образом сближаемся с Китаем с точки зрения идеологии. Например, вариант закона об Интернете, который сейчас обсуждается – китайский. Мы можем

взять полностью их кальку или ее как-то модернизировать, но наши взоры уже повернуты именно туда. И подобные тенденции уже не только в политике, но и в культуре. По-моему, это очень тревожно. Я никоим образом не касаюсь экономической стороны – здесь я не специалист. Но что касается области прав человека, то здесь совершенно очевидный крен, очевидная ориентация на использование китайской модели – там есть своя система, которая уже отработана и которая нашим лидерам довольно интересна. Понимаете, нам действительно затмили глаза китайским чудом. Хотя германское нам намного ближе. Тот путь, который прошли немцы аналогичен нашему – тотальное государство, война, Нюрнбергский процесс. Близкий путь. Мы понимаем друг друга лучше, чем кто-либо другой. Сегодня всё – немцы это не то, давайте обратимся в сторону Китая. Поэтому я сейчас сознательно не говорю об экономической части, в заявлении правильно указано, что «оставшиеся граждане России будут поставлены перед необходимостью культурной ассимиляции и адаптации в общественную среду жителей Китая и Северной Кореи». В общем-то, у нас это уже происходит в стране. Когда мы постоянно обращаемся к опыту, политической системе Китая, то мы начинаем адаптироваться.

Это тревожная тенденция, и я полагаю, что именно ей партии «ЯБЛОКО» нужно противостоять.

Казаков Олег Игоревич,

Научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН:

Я про Японию, с вашего позволения, не буду – ни про Ясукуни, ни про опыт экономического роста. Вообще, опыт этот довольно специфическая тема, политики ее любят, но вообще Япония не имела своей армии, поэтому имела дополнительные возможности под крышей США возрождаться. У России после распада СССР очевидно такого варианта не было. Что касается, собственно, темы выступления и того документа, который сейчас обсуждается, то, на мой взгляд, он написан несколько странно. Он, наверное, преследовал какие-то политические соображения и именно в этом документе указано на то, что проблемы Дальнего Востока напрямую связаны с Китаем, с российско-китайскими отношениями, хотя, наверное, это не совсем так. Я понимаю, что, наверное, политикам удобно использовать различные фобии россиян, пугая их тем, что Россия станет сырьевым придатком Китая, хотя она стала сырьевым придатком всего остального мира. Фраза о приходе иностранцев в стилистике «понаехали» тут тоже совершенно неуместна и не отвечает каким-то демократическим ценностям партии. В конце концов, глобализация как раз предполагает перемещение людей, народов, бизнеса. И в этом заявлении также нет таких ключевых, на мой взгляд, моментов, которые, собственно, касаются развития Дальнего Востока в России. Это обсуждение того, какой там плохой инвестиционный климат – не только там, но и в России в целом, какие-то предложения должны быть позитивные со стороны партии «ЯБЛОКО» по инвестиционному климату. Проблема жителей и количества населения

тоже известная, вещь абсолютно не новая, в советские годы там были соответствующие дотации, людей туда заманивали, была некая экономическая политика для того, чтобы привлекать людей туда. Сейчас, видимо, этой политики нет – об этом тоже надо партии «ЯБЛОКО» подумать, какие-то предложения вносить для этого региона. На мой взгляд, необходимо там создавать конкурентную среду для того, чтобы туда приезжали не только китайцы, но и японцы, и корейцы, и вообще азиатско-тихоокеанский регион чтобы там присутствовал и они составляли конкуренцию между собой, в том числе и в бизнесе.

Вернусь к тому, что, мне кажется, ключевым моментом этого заявления является попытка стимулировать некие фобии россиян с тем, чтобы как-то позиционировать себя. Мы знаем, что Кремль использует те же самые фобии в отношении иностранных агентов. На мой взгляд, это тупиковый путь, все это не соответствует действительности, и, наверное, «ЯБЛОКУ» нужно более позитивные моменты освещать, позитивную программу развития Дальнего Востока, какие-то примеры, предложения выдавать. Если говорить о российско-японских отношениях, то, скажем, у нас построен один завод по сжиженному природному газу – это лучше, чем сливать нефть и газ по трубам, потому что высокотехнологичное предприятие, рабочие места, вложенная стоимость... Сейчас будет во Владивостоке строиться такой завод – это позитивный пример. Я хочу отметить, что в Японии вообще очень сложная ситуация, и если сейчас, скажем, российские власти предложат какие-то интересные проекты на Дальнем Востоке – реальные проекты, а не слова «приходите, приносите деньги и вы там озолотитесь» – японский бизнес с удовольствием туда пойдет. Есть большущая проблема, связанная с малым и средним бизнесом, потому что, опять-таки вспомнить опыт Японии в 1990-х после распада СССР, когда огромное количество бизнесменов прибыли на Дальний Восток, вложили туда деньги, а потом начались бандитские разборки и практически все они оттуда вылетели. В принципе, японский бизнес готов работать, но ему нужно предоставлять условия, а это проблема действительно Кремля. И, наверное, на этом надо делать акцент, а не на том, что приедут иностранцы и будут непонятно чем заниматься. Хороший опыт у Японии, например, в «зеленом» бизнесе. Это высокотехнологичная страна, которая в 70-е годы была погружена в смог, загрязнена жутким образом, совершила колоссальный рывок – в Токио летают бабочки, всякие мошки, которые характеризуют качество воздуха. Сегодня в Японии колоссальная проблема с энергетикой ввиду того, что заморожена практически вся атомная промышленность, которая до недавних событий давала около 30% электроэнергии. Сейчас Япония разрабатывает новую энергетическую политику, основанную, в том числе, и на возобновляемых источниках, они пытаются придумать, как использовать свои возможности страны, где есть геотермальные воды, приливная энергетика, ветровая и так далее. Чем не повод для сотрудничества в наших дальневосточных регионах – от Камчатки до Курил – где тоже проблемы с энергетикой?

На мой взгляд, вот в этом заявлении очень много голой политики, мало позитива и перспектив того, как нужно развивать Дальний Восток.

Мисник Борис Григорьевич,

Координатор Политического комитета РОДП «ЯБЛОКО»:

Понятно, что мы будем дорабатывать этот документ, потом обсуждать его на Политкомитете. Мы не затронули такие проблемы, как структура управления, в том числе создание Министерства Дальнего Востока. Мы не затронули результаты прошедшего саммита АТЭС, на который возлагались большие надежды и который, в общем-то, закончился практически ничем. И даже отток капитала в первую неделю после саммита втрое увеличился, потому что были определенные ожидания, которые не оправдались, и бизнес начал выводить свои активы из России. Мы не затронули транспортную проблему, которая, кстати, обсуждалась на АТЭС и которая является одной из самых основных проблем Дальнего Востока. Понятно, что все эти проблемы охватить, в том числе политической партии, без соответствующей помощи экспертов и при тех малых возможностях, которые мы имеем, невозможно. Но мы будем стараться.

**По итогам обсуждений Политическим комитетом РОДП "ЯБЛОКО" 21.11.2012
было принято заявление:**

О политике Кремля в отношении Восточной Сибири и Дальнего Востока России:
http://www.yabloko.ru/resheniya_politicheskogo_komiteta/2012/11/21